

С Е М Е Н Р Е З Н И К

ЦАРЕУБИЙСТВО

Семен Резник

**Цареубийство. Николай II: жизнь,
смерть, посмертная судьба**

«Алетейя»

2018

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(3)611

Резник С. Е.

Цареубийство. Николай II: жизнь, смерть, посмертная судьба /
С. Е. Резник — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907115-06-4

Книга охватывает многовековую историю российского самодержавия, но основное внимание автора сосредоточено на царствовании Николая II, убийстве его семьи и ее посмертной судьбе. Показано, что хотя со времени расстрела царской семьи прошло сто лет, проблемы цареубийства остаются острыми в современной России и от того, как они решаются, во многом зависит ее настоящее и будущее.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(3)611

ISBN 978-5-907115-06-4

© Резник С. Е., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

От автора	5
Часть I	7
Вместо вступления	7
Рюриковичи	10
Смута	13
Романовы	15
Вторая Смута	19
Псевдо-Романовы	25
Часть II	33
Воцарение	33
Между мерзавцами и дураками	39
Безобразовщина (Эпоха Безобразова) 1904-1905	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Семен Резник

Цареубийство. Николай II: жизнь, смерть, посмертная судьба

От автора

Эта книга написана к столетию со дня расстрела царской семьи.

В ней прослежена тысячелетняя драма российского самодержавия, с ее жестокой борьбой за власть, борьбой без правил, с переворотами, убийствами царей, престолонаследников, претендентов на престол. В этом контексте царствование Николая II, включая его трагический финал, при всей уникальности, во многом оказывается повторением пройденного.

Но совершенно беспрецедентна посмертная судьба Николая II и всего августейшего семейства.

В книге повествуется о том, как и почему Николай II был свергнут с престола, о том, что предшествовало расстрелу царской семьи, о самом расстреле, о трусливых и бестолковых метаниях палачей в попытках замести следы злодеяния. О неуклюжем «расследовании» цареубийства следователем Соколовым под руководством генерала Дитерихса. О нелепых политических играх вокруг уже не существующего престола в кругу уцелевших родичей царя. О самозванцах и самозванках, разыгрывавших роли *чудесно спасшегося* царевича Алексея и *чудесно спасенной* царевны Анастасии.

Полны захватывающего драматизма поиски захоронения царской семьи, увенчавшиеся успехом, который хранился в тайне более десяти лет. Не менее драматична история идентификации «екатеринбургских останков». Почти четверть века назад, совместными усилиями ученых разных специальностей и разных стран, с использованием традиционных и новейших молекулярно-генетических методов, были идентифицированы останки царя, царицы, их трех дочерей, а также четырех служителей, разделивших их судьбу. После этого результаты научной экспертизы многократно перепроверялись, уточнялись и подтверждались с достоверностью, не оставляющей места для разумных сомнений (*without reasonable doubt*). А затем были найдены и идентифицированы останки двух лиц, отсутствовавших в основном захоронении: царевича Алексея и царевны Марии. Эта дополнительная находка подвергла прежнюю экспертизу строжайшему экзамену и снова с триумфом ее подтвердила.

Однако влиятельные круги российских национал-патриотов не ладят с наукой. Церковь признала Николая II и всех членов августейшей семьи *святыми великомучениками*, а их «мощи» остаются неприкаемыми. Владыки «не согласны» с тем, что эти останки царские, и отказываются их похоронить с подобающими почестями. Как католическая инквизиция не желала признать, что «все-таки она вертится», так нынешние владыки русского православия отказываются признать аутентичность «екатеринбургских останков». Противостояние науки и религии в XXI веке достигло столь же высокого накала, каким он был в век Джордано Бруно и Галилея.

Кто мог бы придумать такие острые сюжетные повороты, какие связаны с жизнью, смертью и посмертной судьбой последнего русского царя? Никто. Богиня истории Клио щедрее на изобретение захватывающих сюжетов, чем Канон Доил, Агата Кристи и другие классики детективного жанра.

В книге частично использованы мои ранее написанные произведения: «Вместе или врозь»¹ и эссе «Цареубийство в русской истории»². Они переработаны, дополнены и составляют общее целое с вновь написанными главами. Ссылки на используемые источники даются по ходу повествования, но я особо хочу сказать об одном из них. Это выдающийся по всеохватности и добросовестности труд Наталии Розановой «Царственные страстотерпцы: посмертная судьба» (М., «Вагриус», 2008, 560 стр.). В историко-документальной литературе немного примеров, когда повествование основано на столь обширном материале, тщательно выверенном, глубоко и тонко проанализированном. Большую помощь мне оказало и личное общение с Наталией Розановой – «путем взаимной переписки». Выражаю ей сердечную благодарность.

В работе над книгой мне, как всегда, помогала моя жена Римма Резник.

Семен Резник

Март 2018 г.

¹ Семен Резник «Вместе или врозь? Судьба евреев в России: заметки на полях двухтомника А.И. Солженицына», М., «Захаров», 2003, 2005.

² Семен Резник. «Сквозь чад и фимиам: историко-документальная проза разных лет». С. 5–54.

Часть I

Цареубийство в русской истории

*Правление в России есть самовластье, ограниченное удавкой.
Мадам де Сталь в переводе А. С. Пушкина*

Вместо вступления

Когда еще в юности я прочитал романизированную биографию Стефана Цвейга «Мария Стюарт», меня поразила настойчиво повторяемая мысль автора. Она сводилась к тому, что казнь плененной королевы Шотландии, на которую решилась ее соперница и ненавистница Елизавета Английская, была величайшим революционным актом. Она стала прологом к крупнейшим потрясениям и, в конечном счете, привела к ликвидации режимов абсолютной монархии в Европе.

Развивая свою мысль, писатель утверждал, что в основе монархической системы правления лежат некоторые незыблемые постулаты, и главный из них – неприкосновенность личности монарха. Какие бы глупости и безумства монарх ни совершал, он не подлежит людскому суду. Воля монарха – высший закон. Монарх, по определению, не может быть нарушителем закона, то есть совершить преступление, и, следовательно, он не может быть судим и наказан. Свержение монарха с престола, а тем более казнь или убийство его самого или наследника – это не просто преступление, которое может быть искуплено наказанием и раскаянием, а такое грандиозное деяние, которое выходит за рамки обычных человеческих представлений о добре и зле. Монарх ответственен только перед Богом; тот, кто посягает на его власть и жизнь, идет против Бога.

Король может пасть в бою с неприятелем, но если он захвачен в плен, он все равно остается монархом со всеми вытекающими последствиями. Священный характер особы монарха оберегает его надежнее любой охраны и обеспечивает стабильность государственного строя. Такие явления, как борьба группировок за верховную власть, при монархии сведены к минимуму. Вероятность тайных заговоров против особы монарха, если и не исключена полностью, то крайне мала. Различные круги и группировки могут вести борьбу за влияние на монарха, но все интриги, бушующие вокруг или внутри королевского дворца, утихают у подножья трона.

Вот эту вековую традицию, по Цвейгу, нарушила королева Елизавета. Начался медленный, но неотвратимый переворот в общественном сознании. Сброшенный с горы камень вызвал лавину. Кровавые революции последующих столетий покончили с преобладанием монархий в Европе.

Мысль Цвейга произвела на меня сильное впечатление, но это не значит, что я сразу с ним согласился. Я уже немного знал русскую историю – настолько, чтобы понимать, что, по крайней мере, к одной монархии его формула неприменима.

Мне хотелось разобраться, в чем тут дело. Если неприкосновенность особы государя – это основа монархического строя, то Россия не была монархией! Но как же так? «Российская империя», «российское самодержавие» и «российская монархия» – эти понятия считались тождественными.

Много позднее я прочитал классический труд Шарля Монтескье «О духе законов». Книгу «Избранного» Монтескье мне подарили еще в детстве, видимо, по недоразумению. Я несколько раз брался ее читать, но для детского восприятия философский трактат был непонятным и

скучным. Много лет книга сиротливо ютилась на полке. Я снова взял ее в руки уже в зрелом возрасте и прочел на одном дыхании.

Монтескье анализировал основные формы государственного устройства, выявляя сходство и различие между ними. Он делал это с такой глубиной и проницательностью, что его основные положения незыблемы и сегодня.

Французский мыслитель XVIII века выделял три основные формы правления: республику, монархию и деспотию. При этом под монархией он понимал абсолютную монархию: современный ему британский режим, при котором король царствовал, но не управлял, Монтескье считал республикой под оболочкой монархии. Истинная монархия – это абсолютизм, воля государя в ней высший закон.

В чем же разница между монархией и деспотией? Не в том же состоял смысл трактата, чтобы сказать, что «хороший» самодержец – это монарх, а «плохой» самодержец – деспот. Монтескье интересовали основополагающие принципы разных видов правления, а не то, как эти принципы воплощаются в конкретных случаях. Он показал, что между абсолютной наследственной монархией и деспотией имеются глубокие различия, которые накладывают отпечаток на общественное устройство и на общественное сознание стран и народов.

Монарх принимает престол по праву рождения. Власть переходит к нему автоматически от предшественника и так же автоматически передается преемнику. «Король умер, да здравствует король!» Власть монарха никем не оспаривается, потому он не озабочен ее удержанием. У него нет необходимости привлекать на свою сторону одни влиятельные круги, подрывать могущество других, заманивать в сети потенциальных соперников. Монарх над схваткой. Он может быть умен или глуп, покладист или своеволен, дальнорук или близорук. Он может быть милостив или жесток, прямодушен или вероломен – словом, он человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Но он всегда вне партий или группировок, вне мелких интриг и узких интересов.

Он опирается на привилегированный слой – дворянство, причем привилегии дворян тоже наследственны и неотторжимы. Для дворянина преданное служение государю, готовность умереть за него является высшей доблестью и честью. Вместе с тем понятия чести могут заставить дворянина отказаться от выполнения бесчестного, подлого приказа. То есть хотя воля государя – высший закон в монархическом обществе, традиционные понятия чести не позволяют монарху слишком сильно злоупотреблять своей абсолютной властью.

В монархии действует, по крайней мере, один закон, который выше воли государя. Это закон о престолонаследии. Монарх не может его отменить или с ним не считаться. Этим обеспечивается преемственность власти и стабильность всей государственной системы. Чем тверже соблюдается закон о престолонаследии, тем прочнее монархический режим. Формального закона о престолонаследии мало – нужно еще такое моральное и духовное состояние общества, когда сама мысль о том, чтобы посягнуть на порядок престолонаследия, считалась бы верхом греха и кощунства, о котором страшно даже подумать. Только если в общественном сознании происходят такие глубокие сдвиги, что монархический режим становится для него неприемлемым, закон о престолонаследии, да и сам престол теряют свою стабилизирующую роль. Тогда происходит революция, которая ведет к смене общественного строя. Неприкосновенность монарха становится фикцией. Более того, поскольку свергнутый монарх вольно или невольно оказывается знаменем контрреволюции, то он почти неминуемо становится жертвой расправы революционеров, как это было в Великобритании в XVII и во Франции в XVIII веках.

При деспотии действуют иные закономерности. Самодержавная власть сидящего на троне лица обеспечивается не законом или традицией, а силой. Силой же она может быть отнята. Самодержец должен постоянно заботиться об укреплении своей власти. Он должен привлекать к себе сторонников, расширять их круг, всячески одаривая их и постоянно опасаясь измены. Опираясь на одни группировки, он подавляет другие. И постоянно интригует, дабы не

стать жертвой интриг. Деспот всегда начеку. Он подозревает в коварных замыслах даже самых преданных своих сторонников, поощряет тайный сыск и доносительство, а потому никто из его приближенных не может чувствовать себя в безопасности. Привилегии, которыми деспот наделяет своих приближенных, в любой момент могут быть отняты, имущество конфисковано, а сами они могут быть подвергнуты пыткам, казнены или заживо похоронены в каземате.

Если при монархии общество разделено на сословия, наделенные наследственными правами и привилегиями, то в деспотии такое разделение призрачно. Подданные государя равны в своем бесправии. Могущественный клевет, истязавший в застенке своих врагов, знает, что в любой момент может поменяться с ними местами. Конечно, и законы чести при таком строе призрачны.

Самый зависимый, самый уязвимый раб деспотического строя – сам деспот. Он завоевывает власть в борьбе и в борьбе может ее утратить, побежденный более могущественным или коварным соперником. В этой смертельной борьбе все средства хороши. Если в монархии личность самодержца неприкосновенна и свята, то при деспотии ничто не стоит так дешево и не проливается столь обильно, как царская кровь.

Итак, взгляды Стефана Цвейга на природу монархии оказались весьма близкими взглядам Шарля Монтескье. Это не могло быть случайным. Стефан Цвейг был европейски образованным писателем. Труды Монтескье изучались в каждом серьезном курсе философии и политологии. Мне стало ясно, что «Мария Стюарт» Стефана Цвейга – это великолепная художественная иллюстрация к «Духу законов» Монтескье.

Сам Монтескье иллюстрировал свои мысли гораздо скупее, в основном примерами из античной истории. Лишь изредка он обращался к более поздним временам, упоминая некоторые события, происходившие в европейских странах, Персии, Китае, Японии. Россию он упоминал мельком, всего несколько раз. Из этих упоминаний видно, что французский мыслитель XVIII века не считал Россию монархией: для него это был типичный пример деспотии³.

³ Считаю не лишним подчеркнуть, что далее анализируются некоторые особенности российской государственности, а не страна и ее культура. Я не считаю, что «каждый народ заслуживает то правительство, которое имеет». Если, с оговорками, это применимо к представительной демократии, где народ свободно избирает своих правителей, то никак не к деспотии, в которой правление навязано силой.

Рюриковичи

Возникновение российской государственности окутано туманом древних преданий. Согласно летописям, она началась с появлением в Новгороде, а затем и в других восточнославянских поселениях варяжских дружин Рюрика и его братьев.

Потомки Рюрика заняли княжеские «столы», но первым среди равных стал Великий князь Киевский, и за киевский стол между Рюриковичами шла нескончаемая борьба.

Уже в древнейших летописях мы находим предание о Борисе и Глебе, младших братьях Киевского князя Святополка. Видя в них потенциальных соперников, он их предательски умутил.

Эти события относятся к началу XI века. Православная церковь возвела Бориса и Глеба в ранг святых покровителей Руси. «Можно думать, что святость Бориса и Глеба и проклятие, тяготевшее над Святополком, не раз удерживали впоследствии братоубийственные руки», — писал один из авторитетнейших российских историков С.М. Соловьев.

Однако борьба за власть между потомками Рюрика продолжалась и в следующих поколениях. Яд и кинжал пускались в ход не менее часто, чем военные дружины. Летописи сохранили немало историй о том, как замирялись вчерашние противники, как задавали друг другу пиры, целовали крест в знак верности взятым на себя обязательствам, а затем тот, кто был хитрее и коварнее, учинял расправу над поверившим ему простаком. Даже нашествие монголов на Русь не ослабило этой борьбы. Продолжалась она и после возвышения Москвы; изменилось только то, что предметом воцелений стал не киевский «стол», а московский. Вот, например, краткая энциклопедическая справка об одном из московских самодержцев XV века Василии II Темном, сыне Василия I: *«Вел борьбу за Великое княжение с дядей Юрием Галицким и двоюродными братьями Дмитрием Шемякой и Василием Косым, был взят в плен и ослеплен (1446). При поддержке части феодалов и горожан одержал победу»*⁴.

После освобождения от монгольского ига могущество Московского княжества продолжало усиливаться, но на вершине власти с прежним ожесточением происходили смертельные схватки противостоявших соперников.

Великий князь Иван Васильевич (Иван III, 1440–1505), немало способствовавший усилению Московского княжества, добился окончательного освобождения от Золотой Орды — в 1480 году. Некоторые историки называют его Иваном Великим. Свою власть он отстаивал в борьбе с восставшими против него братьями. Они с ним ссорились и мирились, ища удобного случая для расправы. Когда стало ясно, что Ивана Васильевича не одолеть, завязалась борьба за его наследие. Первоначально Великий князь объявил своим наследником и даже соправителем старшего сына Ивана, у которого после женитьбы на дочери польского короля Казимира Елене родился сын Дмитрий. Однако Иван Иванович умер молодым, в 1490 году, так и не дождавшись престола. Пошла молва, что он был отравлен второй женой Великого князя Софьей, которая хотела, чтобы трон достался *ее* сыну Василию. Вопреки ее ожиданиям, Великий князь назначил наследником внука Дмитрия и даже присвоил ему титул Великого князя. Тогда Софья и стакнувшееся с ней духовенство «пошли другим путем». Некоторые приближенные Великого князя, наиболее просвещенные и пытавшиеся провести политические и церковные реформы, были обвинены в ереси «жидовствующих». После недолгого сопротивления состарившийся Великий князь их «сдал», они кончили жизнь на костре или на плахе. Мать наследника Елену обвинили в причастности к той же ереси и бросили в темницу, а заодно и ее сына Дмитрия.

⁴ БСЭ, изд. 3, т. 4. С. 332.

Наследником, а потом и Великим князем, стал Василий Васильевич (Василий III, 1479–1533), чего так страстно жаждала его мать Софья. Елена через два года умерла в тюрьме, а Димитрий продолжал томиться в заточении.

«Событие с Димитрием и Василием было проявлением самого крайнего... самовластья, – констатировал один из крупнейших историков XIX века Н.И. Костомаров. – Ничем не стеснялся тот, кто был в данное время государем; не существовало права наследия; кого государь захочет, – того и обличает властью».

После внезапной смерти Василия III взошел на престол Иван IV. В трехлетнем возрасте. Облеченного всей полнотой власти регента при мальчике не было. Десять лет страну терзало «коллективное руководство» враждовавших между собой боярских групп с обычными в таких случаях сговорами и заговорами, интригами и убийствами. Все это происходило на глазах малолетнего государя. Правители либо не принимали его в расчет, либо использовали как оружие в своих интригах. Во взаимных разборках они проглядели его возмужание и превращение в Грозного самодержца, способного на такие злодеяния, которые им самим и не снились.

С тринадцати лет великий князь Иван Васильевич стал прибирать к рукам бразды правления, а в семнадцать лет, в 1547-м, провозгласил себя царем. Значит ли это, что он стал монархом? Увы, нет. Трудно найти в истории человечества более страшного деспота. Сперва Иван Грозный возвысил окольного Алексея Адашева, который чинил суд и расправу именем царя. Но слишком большая самостоятельность правителя посеяла подозрительность в душе государя. Он был одержим страхом перед готовящимся восстанием, заговором, цареубийством. Он заточил Адашева в тюрьму, а репрессии развернул с еще большим размахом, создав специальное сыскное ведомство, *опричнину*, во главе с Малютой Скуратовым-Бельским.

Во время тяжелой болезни Ивана – тогда еще бездетного – бояре, дабы избежать новых междоусобиц, сговорились, что, в случае смерти царя, возведут на престол его двоюродного брата Владимира Старицкого. Но Иван выздоровел. Узнав о сговоре бояр, он велел схватить потенциального соперника и, вволю покуражившись над ним, заставил выпить яд. А Малюта Скуратов собственными руками задушил митрополита Филиппа, высказавшего недовольство опричниной.

Борьба с заговорами – действительными и мнимыми – стала содержанием всей жизни Ивана, из года в год ожесточая его и без того жестокий нрав. Страх, нагоняемый на подданных, был единственным средством удерживать власть. Боясь обнаружить слабость, Иван привык давать волю своему неистовому гневу, не задумываясь о последствиях. В порыве безумной ярости он собственными руками убил в чем-то возразившего ему сына, царевича Ивана. Это злодеяние, свершившееся в 1581 году, предопределило гибель династии Рюриковичей.

Иван Грозный был современником Елизаветы Английской и Марии Шотландской, но если казнь Марии Стюарт потрясла монархическую Европу, то убийство Иваном IV несостоявшегося Ивана V не произвело в России заметного впечатления: при деспотическом режиме подобное событие было заурядным. Правда, сам царь Иван, опомнившись после совершенного злодеяния, созвал бояр, начал каяться и объявил, что не хочет больше царствовать. А так как второй его сын, Федор, по слабоумию своему к роли самодержца был не способен, то Иван предложил боярам избрать царем кого пожелают. Казалось бы, представился случай избавиться от страшного деспота. Однако напуганные его неистовством бояре заподозрили, что Иван только куражится над ними. Стоит им назвать другого царя, как он расправится и с ним, и с теми, кто за него выскажется. Они заявили, что никого другого не желают и «упрашивали самого Ивана не покидать престола»⁵.

⁵ С.М. Соловьев. Об истории Древней России. – М., «Просвещение», 1995. С. 47.

Но дни царствования Ивана Васильевича были сочтены. «В начале 1584 года обнаружилась в нем страшная болезнь – следствие страшной жизни: гниение внутри, опухоль снаружи»⁶. Грозный настолько запугал и подавил потенциальных соперников, что смог удержать власть до последнего своего дня и умер в своей царской постели – явление нечастое в истории российского самодержавия.

Шапка Мономаха легла на голову слабого умом Федора и – придавила его своей тяжестью. Всеми делами при нем заправляла группа придворных, интриговавших друг против друга и использовавших его как ширму. Самым умным и дальновидным из правящей клики оказался Борис Годунов, постигший алгебру и гармонию деспотического режима в его высшей академии: в ведомстве Мал юты Скуратова. Женившись на дочери Мал юты, Годунов обеспечил себе быструю карьеру. Выдав свою сестру Ирину за царевича Федора, он еще больше укрепил свое положение.

Федор и Ирина детей не имели. Наследником престола числился третий сын Ивана Грозного, малолетний Димитрий. Годунов сослал его вместе с матерью Натальей, из рода Нагих, в Углич, так как сам мечтал о царском венце.

В 1591 году в Угличе произошло несчастье – при загадочных, вернее не до конца выясненных обстоятельствах. По версии официального заключения комиссии Василия Ивановича Шуйского, которой Борис Годунов поручил расследование случившегося, у девятилетнего царевича, при игре «в ножички», произошел приступ падучей болезни; падая, он напоролся на нож и погиб. По другой версии – наиболее вероятной – царевич был зарезан подосланными убийцами. Так позднее заявлял тот же Шуйский. И, наконец, известна версия, по которой царевич спасся, чтобы потом занять российский трон. Само существование столь разных версий ясно говорит о том, какие страсти бушевали вокруг царского венца— предмета вождельний для очень многих и очень разных претендентов.

Согласно «общественному мнению» современников, идя к своей цели, Годунов совершал новые и новые злодеяния. Через год после гибели Димитрия у царя Федора и Ирины родилась-таки дочь Феодосия. Девочка не прожила и года. При уровне детской смертности тех времен естественный характер ее смерти более чем вероятен. Но, как писал историк С.М. Соловьев, «в Москве плакали и говорили, что царскую дочь уморил Борис». Другой наследницей престола могла быть дочь Владимира Старицкого Марфа. Выданная замуж за Ливонского короля, она рано овдовела и вернулась в Россию. Ее устранили с дороги пострижением в монахини, что означало смерть для мирских дел; молва твердила, что пострижение было насильственным. Дочь Марфы Евдокия умерла в нежном возрасте, что опять-таки породило слухи, что ее «извели» по наущению Годунова.

Еще одним возможным наследником слабоумного царя Федора мог быть крещеный касимовский хан Симеон Бекбулатович – прямой потомок Чингизхана. По капризу юродствовавшего Ивана Грозного Симеон был им «венчан на царство» и около года номинально сидел на Московском престоле. В подобострастных посланиях Иван «бил челом» *«Государю великому князю Семюну Бекбулатовичю всеа Руси»*. Была ли игра вызвана политической необходимостью, или Иван просто куражился, – об этом историки спорят до сих пор. Прогнав опереточного царя, Иван сохранил пожалованный ему титул. После смерти Грозного Симеон Бекбулатович именовался «царем тверским и первенствовал пред боярами», как писал тот же С.М. Соловьев. Некоторые боярские кланы делали ставку на Симеона. Так как позднее Симеон ослеп, то «в этом несчастий летопись прямо обвиняет Годунова».

⁶ Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, – С. 244.

Смута

В 1598 году, после смерти царя Федора, которую молва также относил на счет Годунова, Борис переиграл всех оставшихся соперников и был венчан на царство. Он основал новую династию. Среди других претендентов на престол был Федор Никитич Романов, двоюродный брат царя Федора. Вполне понятно, что, воцарившись, Борис подверг Романовых опале. Федор Никитич был заточен в тюрьму, а затем насильственно пострижен в монахи под именем Филарет.

Но царствовать новой династии пришлось недолго. В 1604 году появился на русской земле Лжедмитрий (или названный Димитрий, как осторожнее выражается Н.И. Костомаров), и участь Годуновых была решена. Посылавшиеся против самозванца войска переходили на его сторону, и он, почти не встречая сопротивления, продвигался к Москве. Когда поражение стало неизбежным, Борис то ли умер от страха и отчаяния, то ли отравился. Царем стал его сын Федор. Второй (и последний) Годунов продержался на престоле полтора месяца. Московские бояре, стремясь подольститься к победителю, взбунтовали народ и свергли Федора Борисовича. Его убили вместе с матерью и сестрой. Род Годуновых перестал существовать.

А уже через год такая же участь постигла и названного Димитрия. Превосходя своих соперников образованностью, умом и многими талантами, он уступал им в коварстве, потому и был обречен. На царство был венчан Василий Иванович Шуйский, один из самых бывалых прохвостов той богатой прохвостами эпохи.

Его долгий путь к царскому венцу изобиловал опасностями и крутыми поворотами. Много раз он участвовал в заговорах, за что попадал в опалу и ссылку, много раз униженно вымаливал прощение, клялся в верности, чтобы затем снова устраивать заговоры и предавать. Так он действовал при царе Федоре, при Борисе и Федоре Годуновых, при названном Димитрии. Предав Годунова, он помог названному Димитрию войти в Москву. А затем стал распускать слухи, что настоящий Димитрий убит. Его схватили, судили боярским судом, приговорили к смертной казни. При огромном стечении народа Василия Ивановича выволокли на Лобное место. Он покорно опустился на колени, положил голову на плаху... Царское помилование остановило уже занесенный топор палача. За эту неожиданную милость Василий Иванович отплатил названному Димитрию тем, что возглавил новый заговор против него, увенчавшийся успехом.

Но появился на Руси Лжедмитрий Второй, и от Шуйского отшатнулись, как раньше от Годунова. В Тушине, в лагере Второго самозванца («Тушинского вора») объявился даже монах Филарет (Федор Романов). Лжедмитрий Первый вернул его из ссылки и возвел в сан митрополита Ростовского. Облаготельствованный священнослужитель отплатил ему тем, что примкнул к Шуйскому. Затем он предал Шуйского и объявился в лагере Лжедмитрия Второго. Тот возвел его в сан патриарха.

С огромным трудом Василий Шуйский одолел «Тушинского вора»: тот бежал, был схвачен и казнен. Та же участь постигла и Лжедмитрия Третьего. Казнена была и Марина Мнишек – жена всех трех самозванцев, а также ее малолетний сын от одного из них. Лжерюриковичи были искоренены поголовно, как до них – Годуновы и настоящие Рюриковичи.

Но Василий Шуйский удержался у власти только три года.

В 1610 году, когда его войска потерпели поражение от поляков, бояре решили избавиться от него и пригласить на московский престол Владислава— сына польского короля Сигизмунда. Василий Шуйский был схвачен, насильственно пострижен в монахи и выдан полякам. Его увезли в Польшу и через некоторое время убили. Был схвачен поляками и увезен в плен и враг Шуйского – патриарх Филарет. Народное ополчение, собранное Кузьмой Мининым,

под командованием князя Дмитрия Пожарского нанесло поражение полякам. Владиславу пришлось отказаться от притязаний на российскую корону.

Романовы

В обескровленной стране был созван Земский Собор для избрания нового царя. По знатности происхождения и по личным заслугам одним из наиболее вероятных кандидатов на престол был князь Дмитрий Пожарский, но от притязаний на власть он отказался. Он отстаивал независимость России, не стремясь ни к каким личным выгодам.

Другим, из наиболее влиятельных, кандидатом мог быть Федор Никитич Романов (патриарх Филарет), но он находился в польском плену. Собор вручил скипетр юному и слабому сыну Филарета Михаилу Федоровичу Романову и «его потомкам на вечные времена».

В 1613 году возникла новая династия. Появилась надежда, что с деспотическим периодом российской истории покончено: начинается период наследственной монархии. Появились и признаки того, что эти надежды сбываются.

Сам Михаил оказался слабым и недалеким правителем, но его именем уверенно правил вернувшийся из польского плена отец – патриарх Филарет. После смерти Филарета в 1633 году положение осложнилось, но не настолько, чтобы кто-либо решился посягнуть на права Михаила. Он процарствовал еще 12 лет, и его смерть тоже не привела к потрясениям. Венец перешел к его сыну Алексею.

При «добром» царе Алексее Михайловиче (1645-76) государство значительно окрепло. Под его руку гетман Богдан Хмельницкий подвел Украину. Но вместе с тем креп производ властей, против чего вспыхивали бунты в Москве, Новгороде, Пскове. Алексею Михайловичу пришлось выдать на растерзание москвичам некоторых особенно ненавистных сановников, чтобы утихомирить бунтарей. Гнев народа в основном был направлен на боярина Морозова, так как было известно, что царским именем правит Морозов и его клика.

Царь был спасен, но страшно напуган. Он ввел закон, по которому каждый, кто слышал что-либо оскорбительное для царя, обязан был донести; недонесение каралось смертью. «Понятно, что каждому, слышавшему что-нибудь похожее на оскорбление царской особы, приходила мысль сделать донос, чтобы другой не предупредил его, потому что в последнем случае он мог подвергнуться каре за недонесение», – комментировал Н.И. Костомаров⁷.

В 1667 году вспыхнула жестокая «крестьянская война» Стеньки Разина. Среди повстанцев находился некий Максим Осипов по кличке Нечай. Он выдавал себя за сына царя Алексея, и Разин планировал посадить его на престол. Другой самозванный сын Алексея Михайловича, Лжесимеон, обретался среди запорожских казаков. Появление самозванцев говорило о том, что на них был спрос. Какие-то круги стремились заменить царя Алексея своими ставленниками.

У Алексея Михайловича и его первой жены из сильного боярского клана Милославских было два сына, Федор и Иван, и несколько дочерей, из которых выделялась царевна Софья. Когда жена царя впала в немилость, ее постригли в монастырь. Таков был обычный способ избавиться от «постылой» царицы и жениться вторично. Второй женой Алексея Михайловича стала Наталья Нарышкина. Она родила ему третьего сына – Петра. Так были посеяны семена будущих битв за власть.

Правда, смерть Алексея Михайловича не вызвала потрясений: Петр едва вышел из младенческого возраста, и Нарышкиным рассчитывать было не на что. Царем стал 14-летний старший сын покойного, Федор Алексеевич. Плавный переход власти от отца к старшему сыну стал входить в обычай. Если бы царствование Федора Алексеевича было долгим и благополучным, такая традиция имела бы шансы укорениться. Но, увы! Процарствовав шесть ничем не примечательных лет (1676-82), Федор Алексеевич умер, не оставив потомства. Царем должен

⁷ Костомаров Н.И. Указ, соч., кн.1. С. 678.

был стать второй сын Алексея Михайловича, Иван. Однако взбунтовавшаяся толпа стрельцов и городской черни «выкрикнула» Петра. То был «экспромт», хорошо подготовленный кланом Нарышкиных. Под их воздействием Патриарший Собор утвердил избрание на престол младшего из Романовых, Петра, коему было 10 лет. Это означало переход власти к клану Нарышкиных, что не могло устроить клан Милославских, в особенности царевну Софью, имевшую далеко идущие планы. На похоронах Федора Алексеевича она, в нарушение всех традиций, пошла за гробом вместе с Петром, громко голоса, заливаясь слезами и выкрикивая, что брата ее *извели*.

Каких-либо данных о том, что царь Федор Алексеевич был умерщвлен, не имеется, но такие случаи были столь частыми в прошлом, что стенания царевны Софьи произвели сильное впечатление на толпу. По Москве пошли тревожные пересуды. А еще через несколько дней был пущен слух, будто Нарышкины *извели* и не допущенного к власти царевича Ивана. Это вызвало новый стрелецкий бунт – теперь он был организован Милославскими. Толпа чуть было не растерзала малолетнего Петра и его мать Наталью. Несколько бояр было сброшено на стрелецкие пики, их изрубили на куски.

К счастью, Иван был тут же, во дворце. Его вывели на крыльцо, «предъявили» народу, это несколько утихомирило страсти. Но толпа продолжала бесчинствовать и требовать новых жертв. Пережитые ужас и страх наложили неизгладимый отпечаток на характер Петра и на его методы управления страной. А пока что был собран новый Патриарший Собор, который утвердил на троне сразу двух царей. Иван стал «первым» царем, Петр – «вторым», а правительницей – в виду малолетства обоих – царевна Софья.

Немало хитростей, лести, подкупа и провокаций пришлось пустить в ход Софье и ее приближенным, чтобы утихомирить ими же взбунтованных стрельцов – основную вооруженную силу в Москве. Братья ее между тем росли, приближая конец ее правления.

Болезненный и слабоумный Иван проводил время в молитвах и государственными делами не интересовался. А вот подраставший Петр становился для Софьи все более опасен. Софья изобретала способы избавиться от него, чтобы самой венчаться на царство. Однажды Петру пришлось бежать из Преображенского, куда двигалась направленная Софьей толпа стрельцов, чтобы его погубить. Софья и после этого не оставляла своих планов. Она пыталась втянуть в заговор Ивана, но богобоязненный первый царь отказался идти против «братца».

Подросший Петр при первой возможности рассчитался с «сестрицей». В 1689 году она была низложена и пострижена в монастырь. Младший царь узурпировал власть, нимало не считаясь со старшим. А после ранней смерти Ивана (опять невольный вопрос – естественной ли? не помогли ли ему очистить место?) Петр формально стал единодержавным царем, в 1721-м провозгласил себя императором.

Как ни был Петр увлечен созданием флота, строительством Петербурга, учреждением Академии Наук и бритьем боярских бород, он ни на минуту не забывал о том, каким путем «достиг верховной власти» и сколько бдительности требуется, чтобы ее удерживать. Он принимал меры против возможных интриг со стороны заточенной в монастырь Софьи, у которой оставалось немало тайных сторонников. Он учинял кровавые расправы над присмирившими, но продолжавшими вызывать недоверие стрельцами, самолично рубил им головы. Держал в острастке церковь, за что прослыл дьяволом в кругах духовенства. Учинил тайный сыск, всюду выискивая крамолу.

Во второй половине славного царствования, когда вся Россия, казалось бы, стала послушна любому жесту самодержца, возникла новая проблема: сын императора Алексей. Подросший царевич таил неприязнь к отцу из-за его сурового нрава и из-за обхождения с его матерью Евдокией, которую Петр сослал в монастырь, чтобы жениться вторично: на бойкой дочери литовского крестьянина и любовнице князя Меншикова Марте, принявшей имя Екатерина.

Угрозы для самодержавной власти Петра царевич Алексей не представлял. Он не замыслил никаких заговоров, а терпеливо ждал своего часа. Но, находясь под влиянием церковных кругов и клана родичей своей матери, Алексей не скрывал негативного отношения к петровским реформам, к войнам, флоту и многому другому, чем Петр гордился. Не оставалось сомнений в том, что, взойдя на престол, Алексей откажется от многих начинаний отца. Петр пытался увлечь сына своими проектами, учить наукам, фортификации, нещадно бил палкой за нерадивость и нерасторопность ума.

Петр хотел, чтобы его реформы, говоря современным языком, приняли необратимый характер, то есть чтобы его самодержавная воля правила страной и после его смерти. Чем дальше, тем становилось яснее, что царевич Алексей тому главная помеха. Петр потребовал от сына отречения от права наследия или пострижения в монахи. Запуганный Алексей соглашался на то и на другое, клялся, что всегда будет верен своему слову. Но Петр не верил этим клятвам, понимая, как мало будет стоить подписанная Алексеем бумажка после того, как он сам уйдет в иной мир. Стремление отделаться от наследника, рожденного «постылой» женой Евдокией, сильно возросло, когда появился на свет второй сын – от игривой Екатерины.

Петра не остановило ни естественное отцовское чувство, ни сознание святости царской крови, которого, впрочем, у него не было и не могло быть, ни элементарное чувство чести, обязывавшее держать царское слово.

Опасаясь за свою жизнь, опальный царевич бежал за границу, под покровительство австрийского императора. Лазутчики Петра выследили его, угрозами и посулами побудили воротиться. Петр обещал сыну свое отцовское и царское прощение, заверил, что не подвергнет его никаким карам. Привезенный в Москву Алексей, в торжественной обстановке, в присутствии Сената, Синода и всего синклита высших сановников, подписал отречение от престола и поклялся никогда не предъявлять никаких притязаний. Но и этого было недостаточно. Алексей был брошен в каземат, подвергнут истязаниям. Заплечных дел мастера вздымали царевича на дыбе, били кнутом, жгли каленым железом. Отец самолично присутствовал при пытках, требовал признаний в измене.

Царевич признался в мнимых заговорах и оговорил массу друзей, наставников, просто знакомых. Всех их тоже подвергли пыткам, под которыми они оговаривали других. Мнимых заговорщиков казнили страшными казнями – колесованием или четвертованием, «помилованных» стригли в монахи или ссылали в каторжные работы.

Среди прочего на следствии открылось, что однажды царевич нарушил запрет отца и тайно встретился с матерью.

При расследовании этого эпизода выяснилось, что у постриженной в монахини царицы после долгого затворничества разыграла кровь, и она завела тайного любовника, майора Степана Глебова. Его, конечно, тут же схватили, тоже били кнутом и жгли горячими углями. Майор признался в любовной связи с бывшей царицей, но никаких иных прегрешений за ним не оказалось: ни единым словом он ни разу не высказал ни насмешки, на какого-либо неодобрения в адрес царя. Тем не менее, майора Глебова посадили на кол на Красной площади. Умирал он долго, в жутких мучениях. Так как был лютый мороз, царь приказал надеть на голое тело «преступника» тулуп, дабы он не умер от холода прежде, чем испытает всю меру положенных ему мучений. Бывшая жена Петра, она же – возлюбленная Глебова, должна была присутствовать, видеть мучения казнимого. Приставленная к ней стража следила за тем, чтобы она не могла отвернуться или закрыть глаза.

Чтобы оформить цареубийство, Петр устроил тайный суд над царевичем Алексеем.

Приговор был предрешен. Никто из сановников не осмелился напомнить самодержцу о данном им слове помиловать сына. Смертный приговор подписан 120-ю *назначенными* судьями во главе со светлейшим князем А.Д.Меншиковым, игравшим особую роль в интригах против царевича. У Меншикова, как мы увидим, были свои причины жаждать его смерти.

Приговор был приведен в исполнение воровским путем, словно орудовала шайка разбойников, а не государственная власть. Алексея задушили в каземате Петропавловской крепости, а официально объявили, что он якобы умер от расстройства чувств. Несколько следующих дней царь веселился – то по поводу годовщины Полтавской битвы, то по поводу собственных именин. Только после этого тело царевича было погребено в Петропавловском соборе, рядом с еще раньше скончавшейся его супругой – царевной Шарлоттой. Траура объявлено не было.

Казнь Алексея очистила престол для малолетнего сына Петра от Екатерины-Марты, из которого Петр надеялся вырастить продолжателя своей политики и династии. Этого, конечно, жаждала сама Екатерина и ее партия во главе с Меншиковым. Судьба сыграла с ними горькую шутку. Новый наследник престола умер в 4-летнем возрасте, всего на год пережив казненного Алексея. Связанные с ним надежды рухнули. Произвести на свет еще одного сына Петр уже не мог. Он стремительно старел...

Был, правда, еще один Петр, малолетний сын царевича Алексея, внук Петра I. Но его воцарение означало бы переход власти к тем самым кругам, которые Петр держал в опале.

Пытаясь найти выход из назревавшего нового кризиса власти, Петр в 1722 году издал первый в истории России закон о престолонаследии, с особой яркостью высветивший деспотическую суть российского самодержавия. Императору предоставлялось неограниченное право назначать наследником любое лицо, даже совершенно постороннее царскому роду. Решение Земского Собора, венчавшего на царство первого Романова и вручившего власть ему и его потомству «на вечные времена», утрачивало силу. Как видим, петровский закон о престолонаследии не ограничивал произвола в вопросе о передаче власти, а делал его абсолютным.

Оставалось назвать преемника, но с этим Петр медлил. Через три года с ним случился удар, а наследник так и не был назван. Свалившись в постель, Петр первым делом потребовал перо и бумагу и написал: «Отдайте все...» Писать дальше он не мог и велел позвать дочь Анну Петровну, чтобы продиктовать ей свою последнюю волю. Когда она явилась, он уже ничего не мог сказать... Был 1725-й год. Великое царствование Петра Великого завершилось.

Вторая Смута

Кризис власти, так и не предотвращенный Петром, вызвал новую смуту, хотя и не такую всеохватную, как при падении Годуновых. Судьба престола вновь оказалась в руках враждовавших друг с другом кланов.

Часть из них, вопреки известной, но формально не объявленной воле покойного императора, высказалась в пользу малолетнего Петра Алексеевича. Если исходить из традиции передачи власти по мужской линии, то это было единственно возможное решение. Однако более сильными оказались «птенцы гнезда Петрова» во главе с Меншиковым. Передача венца сыну казненного Алексея означала бы отстранение их от власти, а, может быть, и расправу над ними. Эта группа поспешила провозгласить самодержицей жену Петра Екатерину – ту самую крестьянку-куртизанку, которую Меншиков, сам поднятый из грязи в князи, когда-то уступил своему повелителю.

При монархии такое было бы невозможно. Если властители и решились бы нарушить вековую традицию передачи власти по мужской линии, то у Петра были дочери. Но, оказавшись хозяином положения, Меншиков наводнил дворец гвардейскими офицерами и вывел на площадь два гвардейских полка, «пугавшие барабанным боем уши собранных во дворце сенаторов»⁸. Они постановили объявить императрицей и самодержицей Екатерину, перетолковав для этого в ее пользу петровский закон о престолонаследии.

Благодаря своей сметливости, находчивости, покладистости, фантастической удаче и несомненным женским прелестям, Марта-Екатерина сделала карьеру, какая не снилась самым обольстительным куртизанкам в мировой истории.

Однако неслыханное решение о возведении ее на престол усилило недовольство приверженцев малолетнего Петра Алексеевича и сплотило их. Покойный император знал бы, как с ними поступить, но без его могучего прикрытия Меншиков и Екатерина чувствовали себя недостаточно прочно для крутых мер. Меншиков, как замечает по этому поводу Н.И. Костомаров, оказался в положении Годунова. Ради собственного спасения ему следовало либо «известить» юного Петра Алексеевича, либо приручить его. Светлейший князь избрал второй путь, за что и поплатился в скором времени. В поисках компромисса Меншиков и Екатерина предложили хитроумный, хотя и совершенно беспринципный план: объявить Петра Алексеевича официальным наследником мачехи его казненного отца – Екатерины I. Для примирения обеих группировок планировалось также обручить малолетнего царевича с дочерью Петра и Екатерины Елизаветой Петровной, невзирая на то, что жена будет приходиться мужу родной теткой. Надеялись, что такая необычная комбинация позволит накормить волков и сохранить овец.

Дело пошло на лад, но в последний момент Меншиков переиграл своих же сторонников, предложив в невесты маленькому царевичу не дочь Петра, а свою собственную. Прожженный царедворец сумел убедить императрицу пойти на этот вариант, хотя Елизавета валялась в ногах у матери, прося не отбирать у нее царевича. Влияние светлейшего князя на Екатерину было столь сильным, что она поставила его интересы выше интересов собственной дочери.

Даже среди единомышленников Меншикова послышался ропот против еще большего усиления «Алексашки», но со строптивцами он тотчас расправился. Под пыткой заговорщики «раскололись» и были сосланы в Сибирь.

Императрица оставалась под полным влиянием Меншикова все два года ее короткого царствования. Когда она опасно заболела, он заставил ее письменно утвердить намеченный план. В завещании императрицы наследником назначался Петр Алексеевич, в невесты ему отдавалась княжна Мария Меншикова, а указ Петра I о престолонаследии, так хорошо послу-

⁸ Н.И.Костомаров. Указ, соч., кн.2. С. 508.

живший ей лично, – отменялся. До совершеннолетия Петра Алексеевича, которому в ту пору было 11 лет, высшая власть переходила к Верховному тайному совету из восьми человек (первый Верховный совет в истории России!). Его решения могли иметь силу только при единогласии. Верховодил в нем, конечно, светлейший князь Меншиков.

Как только Екатерина I скончалась, и воцарился ее малолетний наследник Петр II (1727 год), Меншиков перевез его в свой дворец, чтобы не спускать глаз с мальчика-императора. Но «светлейший» выскочка переоценил свои силы. Своевольному мальчику не нравилась его нареченная невеста княжна Мария Меншикова, он явно благоволил к миловидной 17-летней тетке Елизавете – веселой, остроумной, неистошмой на выдумки и проказы. Она забавляла мальчика-императора, тогда как с Марией Меншиковой ему было скучно, а слишком строгая опека тяготила и раздражала его. Возраставшую неприязнь юного царя к Меншикову исподволь подогревал официальный воспитатель мальчика, барон А.И. Остерман, коего Меншиков считал своим человеком. Князя Голицыны и Долгорукие тоже не упускали случая нашептать мальчику компромат на Меншикова. Они поведали ему, какую роль тот сыграл в судьбе его отца – царевича Алексея. Голицыны и Долгорукие примирились с Меншиковым, и он не подозревал о коварных наветах за его спиной. На какое-то время Алексашка утратил бдительность.

Когда он осознал, что надвигается беда, принимать контрмеры было уже поздно. Ближайший сподвижник Петра Великого, прошедший с ним огонь, воду и медные трубы, был обвинен в государственной измене и крупных хищениях.

Второе обвинение трудно не признать справедливым. Нечист на руку Меншиков был всегда, попадался еще при Петре, за что бывал нещадно бит, но потом вымаливал прощение. Конфискованное имущество сосланного светлейшего князя состояло из шести городов, множества имений в России и в других странах, пяти миллионов золотых рублей наличными и вдвое большей суммы в иностранных банках, 90 тысяч (!) крепостных крестьян... А ведь его отец был нищим, никакого наследства он не получил, все имущество было им «нажито», то есть награблено, на царской службе.

Новые властители обошлись с поверженным владыкой на удивление милостиво. Его не колесовали, даже не отрубили голову, а всего лишь сослали, сперва в его имение Раненбург, а затем, после открытия новых его прегрешений, в Березов, где он и скончался в нищете и ничтожестве.

Петр II умер от оспы, процарствовав всего три года. Мужская линия династии Романовых прервалась навсегда.

После падения Меншикова решающее влияние перешло к Долгоруким. Они сделали отчаянную попытку удержать власть, объявив, что покойный царь оставил завещание, по которому передавал корону своей невесте. Ею, конечно, уже была не княжна Меншикова, а княжна Долгорукая. Однако в самом клане Долгоруких возникли раздоры, да и подложность завещания была слишком очевидна. Предлагали передать престол бабке Петра II (первой жене Петра I Евдокии Лопухиной), для чего расстричь ее из монахинь. Но у нее не нашлось сильных сторонников. Казалось бы, венец должен был перейти к одной из дочерей Петра I, Анне или Елизавете. Но Верховный тайный совет порешил призвать на царство племянницу Петра (дочь его старшего брата Ивана) Анну Иоанновну, герцогиню Курляндскую.

Петр в свое время выдал племянницу за герцога Курляндского, устроив пышную свадьбу в Петербурге. На радостях гости так отчаянно напоили жениха, что тот скончался, едва отъехав сорок верст от Петербурга. Молодая герцогиня вступила в свои владения вдовой. Курляндия утратила остатки независимости; всеми делами в ней стал заправлять посланный Петром наместник, П.М. Бестужев. Он не только стал правителем герцогства, но и утешителем герцогини и оставался в этом качестве до тех пор, пока неосторожно не представил ей своего

сотрудника Эрнеста Бирена – молодого красавца, выбившегося в люди, по некоторым данным, из конюхов.

Вернувшись после очередной поездки в Петербург, Бестужев был встречен Анной Иоанновной с необычной холодностью, а вскоре и вовсе был удален от двора. Последующие годы она жила частной жизнью в неафишированном сожителстве с графом (!), позднее герцогом (!!) Бироном. Эрнест Бирен, страдаемый тщеславием, изменил одну букву в своей плебейской фамилии, чтобы «породнить» себя со старинным французским дворянским родом; французы посмеивались над самозванцем, но не протестовали.

Выбор Верховного тайного совета, в котором ведущую роль теперь играли князя Голицыны и Долгорукие, пал на Анну Иоанновну не случайно. Верховному тайному совету понравилось положение высшего органа власти при малолетнем государе, и сановникам хотелось хотя бы отчасти его сохранить. Герцогиню считали неприятзательной, так что корону ей можно было предложить на определенных «кондициях». Они выговорили себе право на безопасность и на то, что важные решения будут приниматься только с их одобрения. Иначе говоря, Анна Иоанновна должна была править совместно с Верховным советом. Особо оговаривалось, что в случае нарушения этих «кондиций» она лишалась короны.

То был революционный акт, менявший систему власти в России! На смену самодержавной тирании шла тирания групповая, то есть олигархия. Но для скромной герцогини шапка Мономаха стоила любых кондиций.

Однако еще до торжественного прибытия в Москву на коронацию новая царица имела возможность убедиться, что непомерное усиление восьми «верховников» не по душе сановникам менее высокого ранга. Воспользовавшись ситуацией, она отказалась от всех обязательств, подписанных всего несколько дней назад, а затем ликвидировала и сам Верховный совет. В Москве и Петербурге такая узурпация власти не вызвала ни сопротивления, ни удивления. Это тоже характерная черта деспотии: при монархическом строе отказ самодержца от данного им слова противоречил бы понятиям чести, пойти на него было бы непросто.

Фактическим правителем при Анне Иоанновне (1730–40) стал Эрнест Бирон. Опасаясь за власть императрицы и свою собственную, он обзавелся множеством лазутчиков, шпионов, провокаторов, соглядатаев и спешил дать ход каждому доносу. С возможными противниками власти расправлялись сурово. Особому вниманию удостоились недавние «верховники», дерзнувшие ставить императрице свои кондиции. Был заточен в крепость фельдмаршал князь Василий Долгорукий, отправлены в «вечную работу» (на каторгу) Юрий Долгорукий, князь Борятинский, Столетов. В 1739 году бироновская опричнина добралась до князей Ивана и Василия Лукичей Долгоруких, обвиненных в новом заговоре. Их подвергли казни колесованием и отсечением головы. Той же участи подвергли их главных сообщников, менее видных отправили в ссылку. Еще через полгода, по другому групповому делу, был казнен известный деятель той эпохи А.П. Волынский и часть его сторонников; других били кнутом и сослали в каторжные работы.

Однако обуздать противников Бирону не удавалось никакими жестокостями. На окраинах империи появлялись самозванцы, к которым стекались толпы недовольных. А в самом Петербурге некоторые видные сановники, окружая Бирона лестью и всячески демонстрируя ему свою преданность, в тайне готовили его падение.

Смерть Анны Иоанновны в 1740 году привела к новому кризису власти. На смертном одре она успела назначить преемником только что родившегося внучатного племянника Иоанна Антоновича – сына своей племянницы Анны Леопольдовны и ее мужа, герцога Антона Брауншвейского. Ввиду младенческого возраста императора при нем следовало поставить регента. Бирон сумел повернуть дело так, что виднейшие сановники высказались, в присутствии умиравшей императрицы, в его пользу. Горячее и убедительнее других за Бирона рато-

вал фельдмаршал Бюрхард-Христов Миних, гидростроитель и военачальник, взятый на русскую службу Петром и сильно возвысившийся при Анне Иоанновне. Такое решение и вписала в свое завещание царица.

Став единоличным правителем России не только номинально, но и формально, Бирон очень быстро понял, что положение его шаткое. Заплечных дел мастера одного за другим хватили офицеров, неосторожно высказывавших недоумение, почему не мать или отец младенца-императора, стал регентом, а Бирон. Скоро был схвачен «диссидент» подполковник Пустошкин, который составил коллективный протест и собирал подписи у офицеров. Чтобы укрепить свое положение, Бирон начал гонения на родителей младенца-императора, но этим только подлил масло в огонь.

Точно оценив обстановку, фельдмаршал Миних, заручившись согласием Анны Леопольдовны, под покровом ночи, с восемью десятками преданных ему молодцов, ворвался в покои Бирона, арестовал его, а правительницей объявил Анну Леопольдовну.

Низверженного Бирона приговорили к смерти, но затем приговор был смягчен. Всесильный временщик, десять лет тиранивший Россию, был отправлен в ссылку, в далекий сибирский городок Пелым, где ему был построен дом по проекту, сделанному самим Минихом.

Однако фельдмаршал Миних не получил при Анне Леопольдовне того положения, на которое имел основания претендовать. Интриги хитрого царедворца Андрея Ивановича Остермана отодвинули его на вторые роли. Все еще влиятельный Миних внезапно и очень тяжело заболел, что вызвало подозрение, будто его пытались отравить. Он выздоровел, но был окончательно оттерт от престола.

Без надежной опоры Анна Леопольдовна была обречена. В обстановке она разбиралась слабо, к укреплению своего положения не стремилась, да и не знала, что для этого делать. Она ссорилась с мужем, устраивала свадьбу своего любовника графа Линара, а в остальное время нечесаная и неодетая лежала в праздной задумчивости на софе, мечтая отнять трон у младенца-сына и провозгласить себя императрицей. В этих мечтах она прозевала новый заговор гвардии, которая вознамерилась возвести на престол дочь Петра Елизавету – ту самую, которую когда-то прочили в невесты малолетнему Петру II.

Когда Петр II умер, «ей было искушение предъявить свои права на корону»⁹. Точнее, искушение было не столько у самой Елизаветы, сколько у ее придворного врача Лестока, уроженца Ганновера, который вступил на русскую службу еще при Петре I, претерпел немало превратностей судьбы и, став личным врачом царевны Елизаветы, приобрел на нее большое влияние. Однако, нерешительная по характеру и не имевшая больших политических амбиций, Елизавета тогда отказалась от соблазна. При Анне Иоанновне она довольствовалась ролью «любимой племянницы» (фактически двоюродной сестры) императрицы. Блестящая красотой и изысканным французским воспитанием, она царила на придворных балах; этим и удовлетворялось ее личное тщеславие. После смерти Анны Иоанновны положение Елизаветы Петровны изменилось. В Бироне, а затем в Анне Леопольдовне некоторые придворные круги видели представителей ненавистной неметчины, тогда как Елизавета Петровна, несмотря на превосходное французское произношение, представлялась им носительницей истинно русского духа.

Ее стали подбивать действовать, пугая, что в противном случае ей грозит заточение в монастырь. Пока она колебалась, о заговоре донесли Анне Леопольдовне. Зная кроткий нрав Елизаветы, та не поверила, но на очередном придворном балу она вызвала Елизавету Петровну в соседнюю комнату и напрямую спросила о ее замыслах. Елизавета отвергла все наветы. Августейшие родственницы обнялись и дружно расплакались. А на следующую ночь Елизавета Петровна явилась в казармы, заявила гвардейцам, что ей грозит опасность. Вместе с ними она ворвалась во дворец и низложила безмятежно спавшее брауншвейское семейство. Оно про-

⁹ Н.И.Костомаров. Указ. соч., кн. 2. С. 707.

царствовало немногим более года. Когда кормилица принесла так и не проснувшегося младенца-императора, Елизавета взяла его на руки и со словами «Бедное дитя! Ты ни в чем не винно; виноваты родители твои!» – понесла его к саням. В чем были «виноваты» родители, она не уточняла. Одновременно были арестованы Андрей Остерман, фельдмаршал Миних и другие сановники свергнутой администрации.

В ночь переворота, не будучи еще уверенной в успехе, трусившая Елизавета Петровна горячо молилась и дала обет: взойдя на престол, отменить смертную казнь. И, надо отдать ей должное, никогда не забывала об этом. Правда, закона об отмене смертной казни при ней принято не было, в ходу оставались самые жестокие приговоры. Так, Остермана, который тщетно предупреждал Анну Леопольдовну о заговоре, приговорили к казни колесованием, а фельдмаршала Миниха – четвертованием. Поднявшись на эшафот, оба выслушали указ новой императрицы о замене страшной казни менее страшной: отсечением головы. А вслед за тем – указ о даровании жизни.

Местом заточения Миниху был назначен тот самый Пелым, куда он годом раньше отправил Бирона. Соседями им стать не довелось, так как Бирону от новой императрицы вышла поблажка. Новым местом ссылки ему был определен Ярославль. Пока Миниха везли в Пелым, Бирон возвращался из Пелыма. «Враги встретились при перемене почтовых лошадей в предместье города Казани, сняли друг перед другом шляпы, поклонились один другому и поехали каждый в свою сторону, не обменявшись ни единым словом», – живописал Н.И. Костомаров¹⁰.

Верная принятому обету, Елизавета Петровна не стала добивать свергнутых соперников. Редкий случай в истории борьбы за самодержавную власть. В своем манифесте, изданном сразу же после восшествия на престол, 28 ноября 1741 года, она заявила, что низложенное семейство будет выдворено за границу, где ему будет предоставлена полная свобода. Однако отправленный из столицы картеж, по секретному предписанию императрицы, двигался так медленно, что путь от Петербурга до Риги занял больше четырех месяцев. За это время, как и следовало ожидать, «открылись новые обстоятельства». Сопровождавший брауншвейцев граф Салтыков получил предписание задержать их и посадить под стражу. Затем из Риги поступил донос о том, что Анна Леопольдовна якобы намеревается бежать, переодевшись в крестьянское платье. Это дало повод засадить семейство в крепость.

Но и этим преследования несчастного семейства не кончились. Рига располагалась слишком близко к западной границе, чтобы императрица могла спать спокойно. Пленникам снова приказали складывать пожитки. Путь на этот раз был намечен дальний – на Соловки. Но добраться до них в те времена было непросто. Опальное семейство осело в Холмогорах, на берегу Белого моря, где и пребывало под строгим домашним арестом. Елизавета Петровна бдительно следила за ним из Петербурга, ей докладывали о каждом произнесенном или написанном слове. Когда низложенному императору Иоанну исполнилось 16 лет, беспокойство императрицы возросло настолько, что она велела отделить его от родителей и запрятать в Шлиссельбургскую крепость.

Тем не менее, о заживо погребенном императоре не забывали. В тайной канцелярии императрицы не прекращались расследования значительных и незначительных заговоров, неясных слухов и пустой похвалы. Людей хватили, бросали в застенки, пытали на дыбе, на медленном огне. Арестованные показывали то, что было и чего не было, и почти во всех случаях истинные или мнимые заговорщики указывали на Иоанна Антоновича как на альтернативу Елизавете.

¹⁰ Костомаров, Н.И. Указ. соч., кн. 2. С. 599.

Отказавшись от обычного способа расправы с низвергнутым соперником – его убийства, – Елизавета Петровна обрекла себя на то, чтобы жить в страхе и постоянной тревоге.

«Император, так легко сведенный с престола, так заботливо заключенный и для всего мира неведомый, во всю жизнь Елисаветы стоял перед ней привидением до ее кончины, – подытожил Н.И.Костомаров. – Это привидение не давало ей надолго забываться в своем величии. То здесь, то там появлялся страшный призрак и появлялся в разных видах, при различной обстановке. То внутренние заговоры грозили Елисавете Петровне возвращением на свет низложенного императора, то пугало ее опасение, что враждебные ей государи поднимут против нее знамя с именем императора Иоанна»¹¹.

Впрочем, как показывало прошлое, а затем и будущее российского самодержавия, живой Иоанн Антонович был для императрицы менее опасен, чем мертвый: он исключал появление Лже-Иоаннов, которые могли бы, при благоприятных обстоятельствах, представлять для ее власти куда большую угрозу.

¹¹ Там же, кн.2. С. 742.

Псевдо-Романовы

...В 1913 году торжественно праздновалось 300-летие царствования Романовых. В основе мероприятия лежала ложь, окутывавшая всю историю Российского самодержавия, так как со смертью Елизаветы Петровны (1761) династия Романовых перестала существовать.

Тайно выйдя замуж за простого казака Алексея Разумовского, Елизавета не могла провозвести на свет наследника престола. Своим наследником она объявила племянника Карла-Петра Ульриха, сына своей сестры Анны, которая была замужем за герцогом Гольштейн-Готтопским Карлом-Фридрихом – сыном шведского короля Карла XII. Того самого короля, которого Петр I разгромил в знаменитой Полтавской битве. При крещении в православную веру наследнику дали имя Петр Федорович. С ним во главе России утвердилась Пфальц-Цвайбрюккенская династия, которая, однако, продолжала называться Романовской.

Самозванщина всегда играла выдающуюся роль в истории российского самодержавия. Зафиксировано более шестисот самозванцев, выдававших себя за чудесно спасшихся или никогда не существовавших царей, наследников престола или членов царской фамилии. Самозванные престолонаследники российского престола появлялись до последнего времени – об этом у нас речь впереди. Удивляться этому не приходится, если помнить, что с воцарением Петра III самозванщина утвердилась на российском престоле.

Правда, сам Петр Федорович в этом повинен не был. Привезенный в Россию в качестве наследника престола, он не интересовался ею, боялся ее и был уверен, что найдет в ней свою погибель. Царствовать ему довелось всего полгода. Он был сметен все той же гвардией, которая возвела на престол его жену, урожденную принцессу Софью Фредерику Анхальт-Цербскую, ставшую императрицей Екатериной II.

Екатерина была не только одной из самых великих российских самодержиц, но и самой выдающейся узурпаторшей. Она лишила престола мужа, которого умертвила руками своих сатрапов, отняла трон у сына Павла Петровича, который должен был наследовать отцу, и ужесточила режим заключения свергнутого Елизаветой Иоанна Антоновича. Через два года, когда офицер Мирович сделал безумную попытку освободить Шлиссельбургского узника, Иоанн Антонович был убит «при попытке к бегству». Стража могла отважиться на убийство, только имея на то твердое распоряжение Екатерины. Уместно вспомнить и о судьбе загадочной княжны Елизаветы Таракановой, которая выдавала себя или на самом деле была незаконной дочерью Елизаветы Петровны. Неимоверные старания приложили сатрапы Екатерины, чтобы выследить ее в Европе, выкрасть, вывезти в Россию, где она, скорее всего, была умерщвлена в каземате Петропавловской крепости, хотя, по официальной версии, отраженной в знаменитой картине К.Д. Флавицкого, погибла во время наводнения. Даже если бы княжна Тараканова и вправду была дочерью Елизаветы, то никаких прав на российский престол у нее бы не было. Но у Екатерины их было еще меньше, потому княжна была ей опасна даже в каземате.

Дальновидная Екатерина хорошо понимала ненадежность своего положения. Венец она получила из рук высшего дворянства и офицерства, и оно могло сбросить ее с престола так же легко, как и возвело. Уже через несколько месяцев после ее воцарения там и здесь стали объявляться самозванцы, выдававшие себя за «чудесно спасенного» Петра III. Любой из них при желании мог быть использован против нее. Поэтому Екатерина, царствовавшая более тридцати лет, с 1762 по 1796-й, всю жизнь задабривала свое окружение, щедро наделяя сановников огромной властью, гигантскими латифундиями, тысячами крепостных крестьян, а многих также и своим пышным телом.

Несмотря на все усилия, Екатерина чуть было не лишилась всего, когда тень убитого мужа приняла облик Емельки Пугачева, двинувшего на Москву орды казаков, инородцев и

примыкавшей к ним гольтьбы. В это критическое время и сработала политика задабривания дворянства и офицерства: защищая Екатерину, они защищали свое достоинство.

Екатерина пыталась быть просвещенной государыней, но до конца дней боялась крамолы и допускала просвещение лишь в удобных ей рамках. Она запретила масонские ложи, игравшие важную просветительскую роль, так как властям трудно было их контролировать. По-видимому, важный мотив гонений на масонов состоял в подозрении, что к ним примкнул наследник престола Павел Петрович, который может их использовать против нее. Страх подпитывало сознание того, что Павел, как законный сын Петра III, имел все права на престол, тогда как она не имела никаких. Впрочем, происхождение Павла – одна из неразгаданных тайн царствовавшего дома. Историки высказывали веские соображения о том, что его настоящим отцом был не Петр Федорович, а один из «фаворитов» Екатерины – граф Салтыков. Она и сама намекала на это в своих воспоминаниях. Если так, то все последующие Романовы были даже не Пфальц-Цвайбрюккенской династии, а – Салтыковской.

Опасаясь, что сын лишит ее трона, Екатерина вознамерилась лишит трона его самого. Она знала, что он не одобряет ее политики и в корне все переменит после ее смерти. Поднять руку на сына, как это сделал Петр I, она не решилась, но задумала обойти его, передав престол внуку. Юный Александр Павлович был изолирован от отца и воспитывался под присмотром бабки – в духе ее воззрений. Однако с официальным провозглашением его наследником Екатерина медлила. Умерла, так и не сделав этого (то есть почти повторив Петра). Трон все-таки перешел к сыну.

Взойдя на престол, 42-летний Павел Петрович первым делом устроил торжественное перезахоронение тела Петра III, причем во главе процессии заставил шагать перепуганного старенького графа Алексея Орлова, того самого, который, по прямому или косвенному указанию Екатерины, прикончил императора. Этим Павел продемонстрировал, что прежней малины для сатрапов покойной матери не будет. Заодно он показал свою преданность памяти венценосного отца, дав понять, что не потерпит толков о двусмысленности своего происхождения.

Еще за восемь лет до кончины Екатерины Павел подготовил Акт о престолонаследии. Он выстрадал необходимость этого закона, ибо отсутствие такового обрекло его на прозябание в наследниках до седых волос. Акт был опубликован в день коронации Павла, что подчеркивало его значимость. Составлен он был на немецкий манер, в форме договора между наследником престола и его супругой. Значение этого документа в российской истории невозможно переоценить. Акт впервые подрывал основные принципы деспотического правления, давая возможность обеспечить легитимность верховной власти и ее передачи преемнику.

Увы, самого Павла Акт о престолонаследии не спас. Обуздав дворцовую камарилью своей матушки жесткими мерами, Павел обрек себя на верную гибель, а заодно и на посрамление в глазах потомства. Ни одного российского венценосца не изображали таким самодуром и полумком, как Павла Петровича. К этим характеристикам следует относиться скептически, памятуя, что они исходят из лагеря его хулителей и убийц. Как писал – уже в XX веке – А.А. Ухтомский (князь, физиолог, будущий академик, знаток русской старины), «у меня недоброе чувство, когда я хожу по кладбищу и читаю... имена на напыщенных памятниках. И у меня – по контрасту – доброе чувство к несчастному Павлу: должно быть, было в нем что-то действительно прекрасное, если эти негодяи и прохвосты озаботились его задавить!»¹²

В ночь на 12 марта 1801 года отряд заговорщиков, заручившихся согласием Александра, ворвался в Михайловский замок, выстроенный для себя и своей семьи Павлом. Заговорщики сняли немногочисленную охрану и ворвались в опочивальню императора. Заслышав шум, Павел вскочил с постели и заметался по комнате. Толкнулся в дверь на лестницу, которая вела

¹² Подробнее см: Резник С. Против течения: Академик Ухтомский и его биограф, Спб., «Алетейя», 2015. С. 159.

вниз, в покои императрицы. Но дверь, по его собственной воле, была заперта: Павел был в ссоре с женой, запертая дверь в ее покои символизировала его к ней немилость. Оказавшись в западне, император, как был в ночной рубашонке, скользнул в камин. Оттуда его и вытащили за пятку. Основательно измордовав, задушили. Официально император умер от апоплексического удара.

Александр, ожидавший исхода рискованной операции в другой половине дворца, пытался разыграть роль безутешного сына, который якобы не ожидал кровавой развязки. Но глава заговора граф П.А. Пален не дал ему доиграть. Схватив новоиспеченного императора за руку, он вытолкнул его на балкон – показаться народу, сказав при этом свою «историческую» фразу: «Довольно ребячиться, Ваше величество, ступайте царствовать!» Вскоре Пален был отстранен от дел, сослан в свое имение, где раз в год, в ночь на 12 марта, в память о совершенном перевороте, напивался в стельку.

Через несколько лет, когда посетившая Россию французская писательница Анна Луиза Жермена де Сталь узнала о подробностях переворота, она определила суть российской системы власти кратким афоризмом. Вот он в переводе Пушкина: «Самовластье, ограниченное удавкой».

То, что самодержавная власть российского императора в любой момент может быть «ограничена» его свержением с престола и даже убийством, прекрасно сознавал и тогдашний царь Александр I, один из самых интересных и противоречивых российских венценосцев. С его именем связаны победа над Наполеоном, несомненные успехи просвещения, реформы Сперанского, и – одновременно – аракчеевские военные поселения, преследования молодого Пушкина, виртуозное двуличие и лицемерие. Для удержания власти и личной безопасности он принял особые меры.

Поскольку у Александра не было детей, наследником престола числился его брат Константин, получивший титул цесаревича. Александр отправил его подальше от Петербурга, поставив наместником в Царстве Польском. Когда Константин Павлович влюбился в шляхетку не царского происхождения и решил на ней жениться, Александр воспользовался ситуацией, чтобы еще сильнее упрочить свое положение. Законом о престолонаследии оговаривалось, что царственная особа не может находиться в браке с нецарственной особой, в противном случае она лишается прав на престол. Александр поставил брату ультиматум: либо отказаться от женитьбы, либо от престола. Константин выбрал семейное счастье и подписал официальное отречение. Наследником-цесаревичем стал следующий по старшинству сын Павла – Николай. Вроде бы все ясно. Однако Александр велел держать в секрете отречение Константина и сохранил за ним титул цесаревича, тогда как Николай оставался великим князем. В обществе ходили неясные слухи, но наверняка ничего не было известно.

Сложную комбинацию Александра обычно объясняют его приверженностью к мистике и секретности, но в это трудно поверить. Он не мог не понимать, чем чревата неясность в вопросе о престолонаследии, зато она была выгодна ему самому. История России, с ее дворцовыми переворотами, убийствами, заточениями царей и наследников, с постоянно объявляющимися самозванцами, с его личным опытом участия в заговоре против отца, говорила Александру, что опасность для самодержца связана с именем престолонаследника. Если нет лица, которым предстоит заменить императора, заговор невозможен. Так, без участия самого Александра невозможно было бы устранить Павла. Создав ситуацию неопределенности, при которой Константин и Николай сами не знали, кто же из них наследник престола, Александр обезопасил себя.

Александра I заваливали доносами о тайных обществах, вознамерившихся не только лишить его трона, но и вообще покончить с самодержавием. Александр не обращал на них

внимания. По его понятиям, заговорщики не представляли опасности, так как не могли опереться на наследника.

Последние годы царь много ездил по монастырям, замаливая грехи. Внезапная его смерть в далеком Таганроге в ноябре 1825 года породила слухи о том, что он вовсе не умер, а тайно устранился от власти, нарядившись старцем и отравившись по миру. Впоследствии объявился старец Федор Кузьмич, прозрачно намекавший, что он и есть бывший царь Александр. Интригующая легенда о грешном царе, переродившемся в «божьего человека», увлекала многих, в том числе Льва Толстого, который начал писать об этом роман, но замысла не осуществил. Еще в годы работы над «Войной и миром» он изучил двуличный характер Александра. Даже могучее творческое воображение Толстого оказалось не в состоянии показать моральное перерождение такого человека.

При неясном положении с престолонаследием смерть Александра – истинная или мнимая – привела к вакууму власти. Константин в Варшаве, будучи наместником в Царстве Польском, дабы отвести возможные подозрения, поспешил продемонстрировать верность новому государю. Он вывел войска на площадь и вместе с ними присягнул императору Николаю. Николай в Петербурге, хорошо понимая, что старший брат может легко отказаться от тайного отречения, поспешил, во избежание осложнений, привести войска к присяге Константину. Когда фельдъегерь примчался из Варшавы с депешей, подтверждавшей отречение Константина, Николай велел вывести войска для новой присяги. Офицерам, состоявшим в заговоре против самодержавия, нетрудно было убедить солдат в том, что великий князь, пользуясь отсутствием законного наследника-цесаревича, хочет узурпировать власть. Если бы не этот предлог, восстание декабристов 14 декабря 1825 года вряд ли было бы возможным.

Декабристы ставили целью свергнуть самодержавие и отменить крепостное право. Этим они оказали огромное влияние на общественное сознание последующих поколений. Ленин экспроприировал престиж декабристов, объявив большевиков их наследниками. Следуя завету «Ильича», советская пропаганда воспитывала народ на примере «первого поколения русских революционеров», выступивших «против своего класса», на стороне интересов угнетенных масс. Из-за своей «дворянской ограниченности» декабристы лишь самую малость не дотягивали до большевистского стандарта.

Вдалбливание официальной доктрины вызвало ответную реакцию. Когда коммунистическая пропаганда в СССР начала давать сбои, и все больше людей освобождалось от оков партийного мышления, «пострадавшими» оказались и декабристы. С конца 1960-х годов в советской литературе, журналистике, исторической науке стало определяться так называемое национал-патриотическое направление, восхваление российской старины, патриархальных порядков, послушания и долготерпения русского народа. В этой новой – то есть старой, но хорошо забытой – мифологии декабристам отводилась роль преданных анафеме грешников.

Сперва робко, иносказательно, а потом все более откровенно их стали изображать врагами России; «масонами», выполнявшими задания «иностранных подрывных центров». Хотя в основе таких писаний лежали концепции, противоположные партийным догмам, их поощряло партийное руководство. «Патриотов» особенно возмущало то, что наиболее радикальные лидеры декабристов – Павел Пестель и другие – планировали цареубийство.

Негодование было бы понятным, если бы те же авторы негодовали по поводу кровавых расправ над Павлом I, Петром III, царевичем Алексеем, другими российскими венценосцами или их наследниками. Но нет, *те* расправы делались *во имя* России. Анафема падала на головы именно декабристов, хотя они задуманного не осуществили, их планы остались только планами.

Восстание на Сенатской площади отличалось от традиционных методов захвата власти в основном тем, что заранее было обречено на неудачу. Оно свелось к отказу принести при-

сягу Николаю и к «стоянию», без серьезных попыток захватить царя и его приближенных. Восставшими был убит один человек – генерал Милорадович, выехавший перед строем увещевать солдат. Когда подошли верные Николаю части, «стоявшие» были расстреляны картечью. Потом было следствие, суд, лицемерные обещания молодого государя помиловать смутьянов в обмен на чистосердечные признания. Нравы к тому времени заметно смягчились, пытки уже не были главным методом добывания судебной истины. Тем не менее, большинство декабристов, поверив обещаниям, дали откровенные показания. А государь без колебаний нарушил свое царское слово, как это многократно делали его венценосные предки. В результате – пять повешенных при номинальном отсутствии смертной казни. Взяв верх, самовластье удавкой огранчило сопротивление своему произволу. Это было не наказание преступников, а расправа над поверженным противником.

Пережитый 14 декабря 1825 года испуг повлиял на все царствование Николая I. Российский деспотизм при нем достиг классической завершенности. Над замершей в страхе страной был слышен свист розог и удары шпицрутенов. Царь железной рукой подавил восстание в Польше, помог подавить революционное брожение в ряде стран, прослыл жандармом Европы. Но могущество его оказалось дутым. Это выявила Крымская война 1853-56 годов, когда небольшой экспедиционный корпус англо-французского флота нанес России сокрушительное поражение. Проществовав 30 лет, Николай Павлович внезапно простудился и умер, видимо, от воспаления легких. Произошло это столь неожиданно, что при таинственности, всегда окружавшей российский престол, не могло не возникнуть слухов и толков. По одной из популярных версий, Николай, глубоко уязвленный военными неудачами, потребовал от своего врача яд, и тот не посмел ослушаться. Однако сын Николая I Александр II воцарился в 1855 году без каких-либо препятствий. Его прав на престол никто не оспаривал.

Александр II был первым российским государем, который мог быть отнесен к числу монархов, а не деспотов. Так через два поколения отыгрался закон о престолонаследии, принятый Павлом I. Кажется, впервые в истории российского самодержавия государю не было нужды постоянно заботиться об устранении потенциальных соперников. Это позволило ему приступить к давно назревшим реформам, покончить с крепостным правом, войти в историю царем-освободителем.

Однако общественное сознание России не успело адаптироваться к этой коренной перемене. Деспотический строй продолжал пронизывать общество сверху донизу, определяя характер отношений на всех уровнях. Пренебрежение к законам и правопорядку, произвол, преклонение перед силой, раболепие перед вышестоящими и попираание низестоящих – таковы были нормы российской жизни на всех уровнях управления, вплоть до семьи.

Несмотря на стремление Александра II цивилизовать систему правления, бюрократия действовала привычными методами. Лизоблюдство, угодничество и произвол оставались характерной чертой государственных учреждений. Чиновник обладал неограниченной властью над теми, кто от него зависел, и использовал ее для личных выгод. Любой закон можно было обойти при помощи взятки. Это и имел в виду Салтыков-Щедрин, когда писал, что страной управляют столоничальники.

Сам царь, при всем его либерализме, оставался частью той же системы и не считал нужным соблюдать законы, если это было не в его интересах. Так, он санкционировал полицейскую расправу над писателем-диссидентом Н.Г. Чернышевским, хотя, по всей видимости, знал, что дело против него сфабриковано охранкой. Когда друг царя поэт А.К. Толстой на вопрос Александра, что нового в русской литературе, ответил: «Русская литература надела траур по Чернышевскому», – либеральный венценосец сказал со скорбью в голосе: «Прошу тебя, никогда не называй при мне этого имени».

В 1880 году, после смерти царицы Марии Александровны (урожденной принцессы Гессен-Дармштадской) Александр II решил оформить брак со своей любовницей Екатериной

Михайловной Долгорукой (светлейшей княгиней Юрьевской). Как мы знаем, по закону о престолонаследии, нединастические браки венценосных особ были запрещены. Если бы Александр II считался с законом, он мог осуществить свое намерение ценой отречения от престола. Но никто не посмел напомнить ему об этом, а сам он и не подумал о такой альтернативе. Удовлетворились тем, что его второй брак не афишировался, четверо его детей от Екатерины Юрьевской не были официально усыновлены, они оставались Юрьевскими.

Приходится признать, что даже Александр II последние месяцы занимал трон незаконно. А поступил бы он по закону, сохранил бы себе жизнь.

Стремление нарождавшейся при относительно либеральном режиме независимой общественности противостоять произволу воспринималось как покушение на устои. В завязавшейся борьбе обе стороны очень скоро стали прибегать к крайним средствам. На полицейские репрессии против молодежи, пытавшейся «идти в народ», молодежь ответила актами террора. Началась охота на императора. После шести неудавшихся покушений, седьмое удалось. 1 марта 1881 года, роковым взрывом бомбы на Екатерининском канале в Петербурге, Александр был смертельно ранен. По горькой иронии судьбы, произошло это в тот самый день, когда было назначено подписание конституции, ограничивавшей самодержавие...

Маньяки-террористы могут появиться в любой стране и при любой системе правления: от этого никто не застрахован. В самых классических монархиях бывали случаи террористических актов против венценосных особ. Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Фердинанда в Сербии послужило поводом к Первой мировой войне. Однако при монархическом строе такие случаи редки и воспринимаются как чудовищные потрясения всей государственной системы и традиционного уклада жизни.

В России же убийства самодержцев были столь рутинным явлением, что действия террористов-народовольцев почти никого не ужасали. Значительная часть общества горячо сочувствовала им, видела в них героев, мучеников идеи. И даже те, кто не одобрял террор, полагали, что борьба с ним их не касается: это дело полиции. Иные недоумевали: зачем эти отчаянные храбрецы хотят убить «хорошего» царя, ведь его сын-солдафон будет куда круче? Но в самом факте пролития царской крови общество не видело ничего такого, что выходило бы за рамки обычного преступления.

Сразу после убийства Александра II Лев Толстой обратился к Александру III с письмом, в котором просил помиловать убийц и тем дать положительный пример: разорвать порочный круг насилия, порождающего насилие. Толстой, с его религиозной проповедью, конечно, осуждал террористов. Но именно как насильников, убийц, а не как цареубийц. С его точки зрения, между убийством царя и обычного человека не было принципиальной разницы. Он полагал, что помилование убийц уменьшит озлобление в обществе и побудит террористов воздержаться от кровавых акций.

Константин Победоносцев, через которого Толстой направил письмо царю, утаил его от молодого самодержца. Он убеждал Александра III в обратном, то есть в том, что террористов следует карать самым беспощадным образом. Представления Победоносцева о природе царской власти были просты: она держится страхом, и чем больше страха в обществе, тем прочнее власть. Нелишне отметить, что Победоносцев был опытным государственным деятелем и высокообразованным правоведом.

При таком состоянии общественного сознания нарождавшаяся монархия выжить не могла. Самодержавие должно было либо погибнуть, либо вновь превратиться в деспотию, что и произошло при Александре III (1881-94). С «Народной волей» он боролся успешно, но ему приходилось бороться не только с революционерами. Историк В.Б. Вилинбахов предложил и хорошо обосновал дерзкую гипотезу таинственной смерти генерала Скобелева вскоре после воцарения Александра III. Состоит она в том, что Скобелев был побочным сыном Александра II и при его колоссальной популярности представлял угрозу для власти молодого императора.

По Вилинбахову, в пользу Скобелева работала влиятельная группа военных и гражданских чиновников, недовольных политикой закручивания гаек и планировавших при случае предложить престол Скобелеву. Дабы предотвратить нежелательные осложнения, Александр отравил своего сводного брата. При всей спорности, гипотеза заслуживает внимания. Очень уж она соответствует традиции российских самодержцев.

Я никогда не забуду того потрясающего впечатления, которое на меня, еще в детстве, при первом посещении Третьяковской галереи, произвела картина Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Не знаю, сколько времени я простоял перед картиной и сколько красноречивых экскурсоводов, «объяснявших» картину различным группам, прослушал. Контраст между двумя фигурами поражал больше всего. Фигура царевича была совершенно безжизненной, похожей на куклу. Она написана так, что за ней не угадывается человеческой личности, трагически окончившей земное существование. Художник сделал все, чтобы у зрителя не возникло ни малейшего сочувствия к убитому. Внимание сосредоточено на убийце. По контрасту, фигура Ивана-отца потрясает своей выразительностью. Этот острый как клинок профиль, этот трепещущий нос с греческой горбинкой, эти полные отчаянного страдания глаза. Эта выразительная рука, судорожно зажимающая рану в безумной надежде закрыть ее, остановить кровь, уберечь еще, может быть, не до конца истаявшую и столь дорогую ему жизнь!..

Перед нами исполненное немой экспрессии и кричащей выразительности – страдание. Я, 8-летний мальчик, стоял замороженный этой отцовской мукой. Я страдал вместе с Иваном Грозным, я страдал за Ивана Грозного. Такого воздействия на зрителей добивался и добился художник.

Но давайте задумаемся: что он изобразил? Грозный властитель убил своего сына. Убил без причины, по прихоти всевластного самодура, знающего, что ему «все дозволено». Да за что же ему сочувствовать?! Напротив, этот кровавый акт сыно- и цареубийства должен вызывать безмерное негодование и отвращение! Однако – такова сила искусства – у тысяч и тысяч посетителей Третьяковки, у миллионов тех, кто знает картину по репродукциям, у сотен весьма умных и образованных искусствоведов и критиков, писавших об этом произведении, картина вызывает реакцию, прямо противоположную той, какую должна была бы вызвать запечатленная на ней сцена. Правда, в Большой Советской Энциклопедии сказано, что картина «прозвучала как обличение деспотизма»¹³, но это советский пропагандистский штамп. Большевикское искусствоведение «отредактировало» Репина: художник, писавший приподнято-байронические портреты Николая II и помпезные заседания Государственного Совета, был занесен в разряд обличителей царизма. Соответственно и толкование его произведений должно было укладываться в заданную схему. На деле же картиной «Иван Грозный и его сын Иван» Репин вызывал сочувствие к величайшему деспоту, и именно в связи с самым безобразным и жестоким актом его произвола.

Но Репин не оригинальничал. Он передал средствами искусства представления, господствовавшие в обществе. А за 14 лет до него это же сделал другой великий художник России – Николай Ге, обратившийся к сходному сюжету в одном из лучших своих полотен – «Петр и Алексей». Петр допрашивает вероломно захваченного сына. Его будут пытать на дыбе, приговорят к смерти и тайно прикончат по приказанию отца. Казалось бы, все симпатии автора картины должны быть на стороне несчастной жертвы. Но нет. Фигура Алексея, его лицо с опущенными глазами, написаны так, что не вызывают у зрителя не то что сострадания – даже малейшего сочувствия. Только брезгливое презрение. Алексей выглядит жалким, трусливым изменником, попавшимся негодяем. И – по контрасту – фигура Петра выражает само благородство. Скорбным пронизывающим взглядом всматривается он в сына. Он еще не потерял надежды увидеть в нем проблески раскаяния и простить, но уже полон решимости выполнить

¹³ БСЭ, 3-е изд., т. 22. С. 38.

тяжкий долг государя – долг, который для него выше отцовских чувств. Трагичен на картине Петр, а не Алексей, к Петру вызывает наше сочувствие художник.

Как видим, общественное сознание, отраженное кистью лучших художников конца XIX века, а это время наивысшего расцвета российской культуры и общественной мысли, оправдывало кровавые зверства «прогрессивных» правителей – даже против своих собственных сыновей и отцов. Так что нет ничего удивительного в том, что оно поддерживало террористов-народовольцев, а затем эсеров: ведь те тоже убивали ради «прогресса». Таково было состояние общества, когда взшел на престол последний император России Николай II.

Часть II

Оронованный революционер

*Властитель слабый и лукавый...
Над нами царствовал тогда.*

А.С. Пушкин

Воцарение

Николай Александрович Романов как частное лицо был вполне симпатичен. Он был невысок, но хорошо сложен, строен, с офицерской выправкой, приятным лицом и чарующим взглядом больших печальных глаз. Он любил наряжаться в мундиры самых разных полков, и некоторые ему очень шли. Он был хорошо воспитан, мягок, предельно выдержан, немногословен. Он не был умен, но обладал цепкой памятью. Умел вести неторопливую светскую беседу о пустяках – дружески, но держа дистанцию, не впуская собеседника себе в душу. Он никогда не повышал голоса, в его манере держаться не было ничего самодержавного или хотя бы барского. Он был любящим мужем, нежным, заботливым отцом, образцовым семьянином. Будь он, допустим, помещиком средней руки, он мог бы прожить спокойную, счастливую жизнь в кругу своих родных и близких. Он любил простые, здоровые развлечения и, вероятно, много времени уделял бы рыбалке, охоте, пилке и колке дров, верховой езде и особенно пешим прогулкам. Он мог бы стать хорошим метеорологом: мало кто с такой любовной пунктуальностью отмечал в дневнике малейшие колебания погоды.

Его природное здоровье и здоровый образ жизни давали ему хороший шанс дожить до глубокой старости, выдать замуж всех четырех дочерей и с наслаждением возиться с озорующим выводком внучат. Вот с единственным сыном Николаю Александровичу не повезло. Унаследованная болезнь оказалась роковой.

Она причиняла мальчику много страданий, доводила родителей до отчаяния, и – вопреки их героическим усилиям – в сравнительно раннем возрасте свела бы его в могилу. Мысль об этом причиняла отцу и матери много горя. Но можно не сомневаться, что при своей глубокой религиозности Николай Александрович сумел бы со скорбным достоинством пережить это несчастье. Тем больше отцовской заботы и нежности он отдавал бы дочерям и внукам и почил бы в окружении многочисленного семейства, обливающегося искренними слезами.

Закадычных друзей, в силу некоторых особенностей характера, у Николая Александровича, вероятно, не было бы; но среди знакомых он пользовался бы уважением и любовью. Правда, те, кому довелось бы узнать его ближе, вероятно, перешептывались бы о том, что-де человек он хороший, но неустойчивый; серьезных дел с ним лучше не затевать, так как слова своего он не держит, обещанного может не исполнить; судачили бы о том, что он скуповат, на чужую беду неотзывчив и что он был бы много приятнее, общительнее и интересней, если бы не находился под каблуком своей властной супруги – единственного в семье человека «в штанах», как она сама говорила.

Словом, Николай Романов был обычным средним человеком, со своими достоинствами и недостатками. Но этому среднему человеку выпала далеко не средняя роль на подмостках исторической сцены, и все его качества – положительные и отрицательные, полезные и вредные соединились роковым образом для того, чтобы привести к гибели его империю, его самого и столь любимое им семейство.

Оглядываясь на его жизнь, нельзя не увидеть в ней мистической заданности, словно с рождения неумолимый рок вел его к гибели в подвале Ипатьевского дома.

Николай Александрович, старший сын Александра III, родился в день праведного Иова, чему впоследствии придавал сакральный смысл.

В тяжелые минуты, когда надо было принимать судьбоносные для страны и для него самого решения, а у него опускались руки, он любил сравнивать себя с многострадальным Иовом, говоря, что изменить ничего нельзя, так как все зависит от воли Божией. Отговорка слабого, растерянного человека, пытающегося оправдать Божьим промыслом свою беспомощность. Фундаментальное различие между ним и библейским персонажем состояло в том, что праведный Иов стал жертвой жестокого эксперимента; сыпавшиеся на него несчастья были предначертаны свыше и никак не зависели от него самого. Тогда как самодержавный российский государь Николай II многие несчастья накликал на себя сам.

По-видимому, его воля была сломлена еще в детстве – вероятнее всего, слишком строгим и жестким отцом. Однако излишний родительский нажим может вызвать разную реакцию: одних он делает податливыми, робкими, мягкими, как воск; других ожесточает и заставляет противодействовать. Николай Александрович с готовностью покорился, подчинился отцу, которого боготворил, чьи заветы свято хранил и кому потом пытался подражать. Но отцовская палица оказалась ему не по плечу. Слишком они были разными – император Александр III и будущий император Николай II.

Александр III был высокого роста и могучего телосложения. Тучный, малоподвижный гигант, чья поступь была весома и значима, как и каждое слово. Он был ограничен и деспотичен – коронованный мужлан. Но он отличался большой цельностью, уверенностью в себе, отсутствием комплексов. Он охотно пользовался услугами людей, превосходивших его знаниями, культурой, умом, не чувствуя себя ущемленным.

Николай II был намного образованнее, воспитаннее, утонченнее своего отца, но он не обладал его уверенностью и прямоотой. Снедаемый мелким честолюбием, он испытывал скрытую ревность и зависть к более умным, знающим и сильным. Ему все чудилось, что его держат за несмышленища, что насмеются над ним за его спиной. Это развило в нем крайнюю недоверчивость и скрытность. Ему было комфортнее с людьми мелкими, подобострастными, готовыми восхищаться каждым его словом и жестом – в таком окружении он ощущал себя полноценной личностью. Искреннее ли было восхищение или лицемерное – в это он подчеркнуто не вникал: внешнюю форму в отношениях ценил больше, чем суть. Он не умел говорить людям неприятное и еще меньше умел выслушивать. Двуличие и лицемерие были для него нормой. Высказанную ему неприятную правду он считал дерзостью. С возражениями он не спорил, но молча их отвергал, как посягательство на неограниченные права самодержавного властелина.

«Спорить было противно самой природе царя, – отмечал близкий к нему свитский генерал В.Н. Воейков. – Не следует упускать из вида, что он воспринял от отца, которого почитал и которому старался подражать даже в житейских мелочах, незыблемую веру в судьбоносность царской власти... Он склонялся лишь пред стихийным, иррациональным, а иногда и противным разуму, пред невесомым, пред своим все возрастающим мистицизмом. Министры же основывались на одних доводах разума. Они говорили о цифрах, процентах, сметах, исчислениях, докладах с мест, примерах других стран и т. д. Царь и не делал [попыток], и не мог оспаривать таких оснований. Он предпочитал увольнять в отставку лиц, переставших преследовать одну с ним цель»¹⁴.

В этом отрывке почти все точно, но одна оговорка необходима. Как было бы все просто и объяснимо, если бы царь преследовал ясные цели и удалял тех сотрудников, которые в эти цели не верили! Но в том-то и дело, что никакой стратегии у него не было, а тактику он

¹⁴ Воейков В.Н. С царем и без царя. Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 234.

менял постоянно, уступая нашептываниям или нахрапу тех или иных царедворцев, и, с роковой последовательностью, проявлял неожиданное упрямство именно тогда, когда жизненно необходимо было уступить разумным доводам. Податливость, готовность изменить свои мнения, отказаться от намеченного плана, чтобы кого-то не обидеть или избежать истерической сцены с женой, сочетались в нем с упорством и неподатливостью по отношению к аргументам людей ответственных, принципиальных, т. е. имеющих свое мнение и готовых его отстаивать. Создается впечатление, что чем неотразимее были доводы, тем упорнее он их игнорировал. При этом был злопамятен и рано или поздно несогласных отправлял в отставку.

«По недостатку гражданского мужества, царю претило принимать окончательные решения в присутствии заинтересованного лица. Но участь министра была уже решена, только письменное ее исполнение откладывалось»¹⁵.

Одним из самых больших, почти непостижимых парадоксов личности Николая II было отсутствие властолюбия. Возможность повелевать, играть судьбами людей его не тешила, а тяготила. Власть была для него бременем, это был крест, возложенный на него судьбой много-страдального Иова. Отчего же не облегчить себе ношу?

Самодержцы или монархи, получившие власть по праву рождения, не всегда наделены талантами государственных деятелей. На то и состоят при них герцоги Ришелье, Меттернихи, Бисмарки. Отчего же венценосному Иову было не избавиться от своих мучений, вручив бразды правления какому-нибудь российскому Бисмарку? Но Николай II хотел *сам* играть ведущую роль. Над свежей могилой погибшего ради него П.А. Столыпина (впрочем, не над могилой: на похоронах царь *блистал своим отсутствием*), предлагая возглавить правительство В.Н. Коковцову, Николай не преминул предупредить: «Надеюсь, что вы меня не будете заслонять, как Столыпин?» Это был, может быть, наиболее выразительный по циничной неуместности пример, когда государь так ярко обнаружил уязвленность мелкого себялюбца, но далеко не единственный. «Таковыми примерами полно его царствование», – свидетельствовал А.Ф. Кони¹⁶.

Будучи наследником престола, Николай старался всячески угождать родителю. Из послушания он был прилежен в учебе. Он старательно нес тяготы военной службы, не манкируя, не злоупотребляя положением цесаревича. Больше всего времени он проводил в среде гвардейских офицеров – прямых, примитивных парней. С ними ему было хорошо. Даже в его речи до конца жизни улавливался гвардейский акцент.

Когда Николай повзрослел, но еще рано было его женить, отец велел ему завести любовницу (дабы отучить от некой вредной привычки). Он и это исполнил с готовностью. Так появилась в его жизни обольстительная балерина Мариинского театра Матильда Кшесинская, которую он потом передал с рук на руки своему двоюродному дяде, великому князю Сергею Михайловичу (от которого она ушла к другому великому князю Владимиру Александровичу и имела от него сына). Ее воспоминания о «Никки» дышат сердечностью женщины, бережно хранящей память о первой любви и недолгом счастье. Но, даже будучи еще очень неопытной молоденькой девушкой, без ума влюбленной в будущего императора, Матильда сознавала, что «он не сделан для царствования, ни для той роли, которую волею судеб он должен будет играть»¹⁷. Он с ней соглашался не только по своему органическому неумению спорить.

Преждевременная кончина Александра III ошеломила Николая. Горе его было искренним и глубоким – не только потому, что он потерял обожаемого отца, но еще больше из страха перед собственной неспособностью его заменить. Он чувствовал, что шапка Мономаха слишком тяжела для него. И, хуже того, это понимали окружающие.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кони А.Ф. Николай II. См.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 165.

¹⁷ Кшесинская М.Ф. Из «Воспоминаний». Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 33.

«Каждый... сознавал, что наша страна потеряла в лице государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть, – вспоминал великий князь Александр Михайлович (Сандро). – Никто не понимал этого лучше самого Никки. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!

... Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание, и что все мы стояли перед неизбежной катастрофой»¹⁸.

Итак, уже в день кончины Александра III *предчувствие катастрофы* было у всех, кто хорошо знал их обоих – почившего государя и его наследника. Правда, совсем иное ощущение господствовало в широких общественных кругах.

Александр III оставил сыну наследство в отменном порядке. За 13 лет своего царствования он последовательно избегал войн, поддерживал инициативы министра финансов И.А. Вышнеградского, а затем С.Ю. Витте, энергично проводивших политику укрепления рубля и привлечения иностранного капитала для развития промышленности и транспорта – особенно железнодорожного. Экономика развивалась рекордными темпами, с фантастической быстротой возникали акционерные общества, банки, различные предприятия. Страна крепла, рос объем внутренней и внешней торговли, рос ее международный престиж.

Правда, подавляющее большинство населения прозябало в бедности, бесправии и невежестве, периодические неурожаи приводили к массовому голоду, что мало заботило власти. В 1891 году государь отметил десятилетие своего царствования заявлением, что, «слава Богу, все благополучно». Имелось в виду то, что он сам и высшие чины администрации вне опасности: террор подавлен, вооруженная борьба против режима заглохла, оппозиции заткнут рот. А в это время в Поволжье от голода пухли дети, вымирали целые деревни. В.Г. Короленко, «работавший на голоде» (как тогда говорили), то есть участвовавший в усилиях общественности организовать помощь голодающим, на государево «благополучие» отозвался статьей, проникнутой болью и сарказмом. Опубликовать ее в России никакой возможности не было, статья появилась за границей без имени автора.

Но в самой империи царили спокойствие и тишина. Массовая кампания по высылке десятков тысяч евреев из Москвы, проведенная генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем (1891–1892), прошла при полном молчании печати.

В книге А.И. Солженицына «Двести лет вместе» этому акту бесчеловечного произвола посвящено несколько скупых строк. Отмечена реакция на него в Европе и Америке. Солженицын с издевкой пишет о «крыловских порядках», позволивших американской правительственной комиссии приехать в Москву и своими глазами наблюдать творимые там ужасы. Члены делегации даже смогли, в тайне от полиции, посетить Бутырскую тюрьму, где томились евреи, виноватые только в том, что из-за крайней бедности не могли выехать из первопрестольной за собственный счет. Их вылавливали и сажали в тюрьму, чтобы затем выслать по этапу. Американцам удалось заполучить фотографии высланных, образцы наручников, в которые их заковывали, и затем опубликовать свой отчет в материалах Конгресса США – «к вящему посрамлению России», как сокрушается Солженицын¹⁹. О реакции на это варварство российской

¹⁸ Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 304.

¹⁹ Солженицын А.И. Двести лет вместе, т. 1. С. 289. В дальнейшем том и страницы этого издания указаны в скобках.

общественности писатель ничего сказать не мог, ибо никакой реакции не было. То есть власти не позволили ей себя обнаружить.

Еще за год до этой карательной акции они запретили публиковать протест против травли евреев в печати, хотя под письмом, написанным Владимиром Соловьевым, подписались пятьдесят крупнейших деятелей русской культуры, в их числе Л.Н.Толстой и В.Г. Короленко. Мне приходилось упоминать об этом в исторической повести о Короленко²⁰, причастность к этой акции Толстого подробно исследована В.И. Порудоминским²¹.

Этот эпизод говорит о многом. Невозможность публично критиковать власти и высказывать взгляды, им неугодные, создавала иллюзию полного благополучия. Иллюзия приводила к тому, что проблемы, вызывавшие общественное недовольство, не решались, накапливались, молчаливое недовольство усиливалось. В тогдашнем «образованном обществе» кончина слоноподобного императора не вызвала печали, а породила надежды на благотворные перемены в ближайшем будущем – по аналогии с тем, что уже было в недавней российской истории.

Николай I заморозил страну на тридцать лет, но, как только власть перешла к его сыну Александру II, началась оттепель, потом весна... Головокружительные реформы и вызванный ими подъем общественных сил захватывали дух.

Однако, проводя либеральные реформы, ослабляя гнет и тем способствуя возникновению и укреплению независимого общественного сознания, Александр II и его администрация как огня боялись какой-либо оппозиции. Не чувствуя за собой морального превосходства над оппозицией, они пытались ее задавить актами полицейского произвола в духе Николая I. Но в новых условиях эти акты не утешали, а только озлобляли общество, обеспечивая широкую поддержку самым крайним антиправительственным выступлениям, включая террор. Особенно ярко это проявилось в известном деле Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Так она выразила протест против акта произвола, совершенного Треповым, который приказал высесть заключенного студента Боголюбова, не снявшего перед ним шапку в тюремном дворе. Для понимания атмосферы, царившей в обществе, важен не столько выстрел Веры Засулич, сколько реакция на него потерпевшего. Оправившись от ранения, градоначальник Трепов ездил по высокосветским гостиным, пытался как-то оправдаться в своем безобразном поступке и бормотал, что ни против Боголюбова, ни против Засулич ничего не имеет.

Арестованная террористка стала героиней дня. Лучшие адвокаты рвались защищать подсудимую, а вот прокурора, готового ее обвинять в суде, долго не находилось. Когда начался процесс, зал суда заполнило самое изысканное общество. Все симпатии были на стороне террористки, а не ее жертвы. Председатель суда А.Ф. Кони, вопреки закулисной давлению, был предельно доброжелателен к обвиняемой и ее защитнику. Хотя сам факт покушения никем не оспаривался, присяжные вынесли Вере Засулич оправдательный приговор, что было понято, как прямое осуждение власти. Чувствуя общественную поддержку, террористы начали охоту на самого царя-Освободителя, чья жизнь трагически оборвалась взрывами бомб на Екатерининском канале 1 марта 1881 года.

Вместе с Александром II ушла из жизни великая эпоха. Но не пришла ли пора ей возродиться? Если Александр III, грубо оборвав преобразования отца, вернулся к курсу своего деда, Николая I, то отчего бы новому императору не возобновить курс *своего* деда, Александра II! Возможность поворота казалась тем более реальной, что об интеллигентности и мягком характере молодого императора ходили упорные слухи.

За три года до своей кончины Александр III решил женить наследника, – разумеется, на принцессе, ибо брак цесаревича должен быть династическим. Послушный сын не возражал,

²⁰ Резник С. Хаим-да-Марья. Кровавая карусель. Исторические романы. Спб. «Алетейя», 2010. С. 341–342.

²¹ Порудоминский В. «...Равенство всех людей – аксиома». // «Октябрь». № 9. 2001. С. 178–183.

хотя его роман с Матильдой Кшесинской был в разгаре и приносил им много радости. Последовали зондажи европейских дворов, выезды за границу.

Николаю приглянулась принцесса Алиса Гессенская, внучка британской королевы Виктории.

Трудно понять, чем она прельстила изысканного гвардейского офицера. Она не была дурна собой, в каком-то смысле даже красива, но это была угрюмая красота замкнутой, словно чем-то всегда испуганной и сердитой девицы. В Алисе не было живости, непосредственности, женственности, веселости – всего того, что делает молоденьких девушек привлекательными и желанными. Но она покорила сердце Никки.

Император и императрица не одобрили его выбора, послушный сын не посмел перечить. Другие царственные невесты по разным причинам отпали, и вопрос о женитьбе наследника отсрочился на неопределенное время. К неопишуемой радости Матильды Кшесинской, уже успевшей оплакать вечную разлуку, Никки утешился в ее объятиях. Но когда болезнь императора приняла крутой оборот, женитьба наследника снова стала актуальной. Александр хотел, чтобы сын срочно обеспечил продление царского рода. Но тут Никки обнаружил ту пассивную агрессивность, которую мало кто подозревал в выдержанном и приветливом молодом человеке. Он сказал, что готов жениться только на Алисе, а поскольку родители этого не одобряют, то он вступать в брак пока не желает.

Других вариантов все равно не было, а с браком император спешил.

Никки был послан в Лондон на свадьбу его кузена принца Георга Йоркского, будущего короля Георга V, где, как было известно, он мог встретиться с Алисой и сделать официальное предложение. 24 июня (6 июля) 1893 года состоялась помолвка. Начались приготовления к свадьбе. Но как ни спешили, болезнь императора прогрессировала быстрее. Пока невеста собралась и доехала до России, пока прошла обряд крещения в православную веру, Александр III скончался.

Гроб с телом почившего из Ялты доставили в Петербург. Траурная процессия двинулась в Петропавловский собор – по заранее установленному маршруту. По обеим сторонам улицы в скорбном молчании стояли войска; за спинами солдат грудились толпы народа, привлеченного редким зрелищем. Когда процессия двигалась по Невскому проспекту, бравый молодой офицер-конногвардеец зычно скомандовал своему эскадрону: «Смирно!» И еще громче: «Голову направо! Смотри веселей!»

С.Ю. Витте, шедший за гробом в группе министров, с удивлением взглянув на офицера, спросил своего соседа: «Кто этот дурак?» И услышал в ответ: «Ротмистр Трепов»²².

В новом царствовании «дурака» ждала фантастическая карьера (как и двух его братьев). В самые трудные месяцы 1905 года именно он будет пользоваться наибольшим доверием государя и добьется отстранения Витте от власти.

²² Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х томах. Таллинн-Москва: «Скиф Алекс», 1994. Т. II. С. 4. Дмитрий Федорович Трепов, один из трех сыновей Ф.Ф. Трепова.

Между мерзавцами и дураками

Через три недели после кончины Александра III состоялась свадьба Николая II и принцессы Алисы Гессенской, ставшей императрицей Александрой Федоровной. Свадебные торжества шли попеременно с траурными. Поспешность венчания выглядела бестактностью, но, хотя для Никки соблюдение внешних приличий имело первостепенное значение, его это не останавливало. Когда престарелый министр двора граф И.И. Воронцов-Дашков намекнул, что свадьбу следовало бы отложить до окончания траура, Николай, по выражению личного секретаря Воронцова В.С. Кривенко, «закинулся, остался недоволен». Возникшее отчуждение привело к тому, что в конце концов графу Воронцову было указано на дверь²³. Наиболее близкий из министров обожаемого отца, граф Воронцов стал жертвой пассивной агрессивности молодого императора. Он «почувствовал в нем опекуна, человека, знавшего его с пеленок, относившегося к нему как бы по-отечески, покровительственно. Именно слабые натуры и не выносят кажущийся им над собой контроль», – писал Кривенко²⁴.

Слабые натуры не выносят контроля, но без него им сиротливо, одиноко, они потеряны и растеряны. Избегая контроля со стороны одних лиц, они тем охотнее поддаются под влияние других.

Характерен эпизод, которым Витте начинает свое повествование о Николае II.

Еще при отце его рассматривались два альтернативных варианта для строительства базы военно-морского флота – в Либаве, на Балтике, или в Мурманске, на Баренцевом море. Стратегические преимущества Мурманска были очевидны: незамерзающий и практически недосыгаемый для возможного противника порт на севере делал Россию грозной морской державой, тогда как в Либаве корабли полгода были бы скованы льдами, да и в летнее время могли быть легко заблокированы в бухте флотом потенциального противника. После того, как командированный в Мурманск Витте нашел подходящую бухту, Александр III решил вопрос в пользу мурманского варианта, но указа подписать не успел. Поскольку Николай был в курсе этого дела, то он и захотел – при первом же докладе у него Витте – утвердить отцовское решение. Витте просил повременить, чтобы не сложилось впечатления, что он воспользовался неопытностью молодого государя и протолкнул свой проект за спинами оппонентов. Николай резонно возразил, что такие кривотолки исключены, так как он только подтверждает решение отца, но согласился выждать некоторое время. А через два месяца Витте прочитал в «Правительственном вестнике» высочайший указ о строительстве порта имени Александра III в Либаве. В Указе подчеркивалось, что имя покойного государя присваивается новому порту, потому что осуществляется его идея.

Оказалось, что решение Никки утвердить мурманский проект смертельно обидело главного сторонника Либавы великого князя Алексея Александровича, занимавшего пост генерал-адмирала. Сцена, которую ему закатил дядя, была для Никки – как нож в сердце. Он самостоятельно приезжал к другому великому князю, Константину Константиновичу, – поплакаться в жилетку, но нажиму обиженного родича уступил. Он пожертвовал важными стратегическими интересами России ради того, чтобы *порадеть родному человечку*. Усвоенные им «начала» самодержавия он понимал самым примитивным образом: Российская империя – это семейная собственность дома Романовых. Цель же своего царствования он, как хороший семьянин, видел в том, чтобы сохранить эти «начала» и передать их своему наследнику в таком виде, в каком получил от отца.

²³ Кривенко В.С. Из рукописи «В министерстве императорского двора», в кн.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 34.

²⁴ Там же.

Предупредить Витте о перемене решения у него не хватило духу, так что министру финансов пришлось проглотить вдвойне горькую пилюлю, не подслащенную хоть каким-то личным объяснением. И, может быть, самый мелкий в серии мелких поступков, связанных с этим эпизодом, – трусливая попытка спрятаться за широкую спину покойного родителя.

Тут, как в капле воды, отразились почти все аспекты поведения бесхребетного царя в пиковых ситуациях. Впереди их будет много, и куда более судьбоносных с точки зрения выживания самого Николая, его семьи и империи.

Как же плохо понимало молодого государя общество, связывавшее с ним надежды на перемены! Это тотчас же обнаружилось в знаменитом приветственном Адресе тверского дворянства. Составленное в приподнятых верноподданнических тонах, это послание содержало намек на желательность того, чтобы «общественные учреждения» получили право «выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигнуть выражение потребностей и мыслей не только представителей администрации»²⁵.

Невинная фраза вызвала в Зимнем Дворце переполох. Автор Адреса, впоследствии один из лидеров партии кадетов и депутат всех четырех Государственных Дум Ф.И. Родичев, живописно рассказал о том, какая мышиная возня поднялась вокруг этого документа, а затем – вокруг церемонии вручения его государю.

Списки земских деятелей, которым дозволялось присутствовать на церемонии, многократно пересматривались дворцовой администрацией, сама церемония откладывалась. Съехавшиеся в Петербург земские представители судорожно совещались в своих гостиничных номерах, возражали против вычеркивания из списков отдельных имен, грозили коллективным бойкотом, после чего вычеркнутые имена восстанавливались. Наконец, в парадной зале, перед выстроившимися почтительным полукругом земцами, появился бледный, затравленный государь с фуражкой в руке. Заглядывая в припрятанный внутри фуражки листок (он так и не смог заучить коротенькую речь наизусть), он испуганно прокричал свой ответ на «голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель».

Ничего более безобразного перед лицом пришедших его приветствовать представителей земской России Николай сказать не мог, хотя вскоре получил восторженное одобрение из Берлина от своего родича кайзера Вильгельма:

«Мой рейхстаг держит себя из рук вон скверно, – писал кузен или кузену Никки, – колеблясь между социалистами, подстрекаемыми жидами, и ультрамонтанами-католиками; насколько я могу судить, скоро обе партии надо будет поголовно перевешать... Вот почему я так обрадован превосходной речью, которую ты произнес перед депутациями в ответ на просьбы о реформах».

В самой России тоже не было недостатка в восторженных почитателях позорной речи – такова инерция страха и подобострастия. Многие представители земств, прямо из Зимнего дворца, гурьбой повалили в Казанский собор – отметить благодарственным молебном полученный плевком в лицо. Но лакейство не было всеобщим. Как вспоминал Ф.И. Родичев, предводитель харьковского дворянства князь П.Д. Святополк-Мирский в Казанский собор не пошел. А уже через день по рукам стало ходить неподписанное открытое письмо Николаю II. В нем говорилось о том, что царь нанес удар «по самым скромным надеждам» общества; что он отождествил самодержавие с чиновничеством и сословным режимом и тем самым вызвал на борьбу «живые общественные силы». «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать», – говорилось в письме²⁶.

²⁵ Родичев Ф.И. Из воспоминаний. В кн.: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 39–40.

²⁶ Там же. С. 42.

Автором самиздатского документа был молодой П.Б. Струве, будущий «легальный марксист», хотя до 1905 года он был нелегальным деятелем, а основанная им в Штутгарте независимая газета «Возрождение» следовала скорее традициям Герцена, нежели Маркса.

Струве оказался провидцем: всё царствование Николая II прошло в борьбе власти и общества.

Скандал вокруг «несбыточных мечтаний» едва перестал быть злобой дня, как разразилась куда более страшная драма – Ходынка.

На коронационные торжества в Москву съехались высокопоставленные гости со всего мира; помпезная коронация должна была продемонстрировать величие России и незыблемость самодержавных «начал». И вот эти единственные в каждом царствовании торжества ознаменовались горой растерзанных трупов. Верноподданные граждане, собравшиеся на Ходынском поле, чтобы получить копеечные государевы «гостинцы», при раздаче их смяли полицию и передавили друг друга.

Однако страшнее самого несчастья стала реакция на него коронованного властителя.

«В три часа дня мы поехали на Ходынку, – вспоминал великий князь Сандро. – По дороге нас встречали возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое „ура“ звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки [Московского генерал-губернатора] великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало Московского генерал-губернатора.

Мой брат, великий князь Николай Михайлович, ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образ французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближающуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

– Помни, Никки, – закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, – кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей²⁷ останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую²⁸.

Отложить назначенный на тот вечер бал у французского посла или хотя бы не являться на него – такова естественная реакция перед лицом неожиданного несчастья. Так и советовал поступить весь выводок Михайловичей, да и почти все, кто окружал царя в эти тяжелые часы и минуты. Предлагали пойти дальше: объявить национальный траур, на три дня приостановить церемонии. Но он – такой податливый, уступающий по любому поводу, чтобы только избежать ссоры или простого неудовольствия толпившихся у трона родичей, – на этот раз, поджав мелко подрагивающие губы, молчал и смотрел прямо перед собой остекленевшими упрямыми глазами. Очевидно, верх взял нажим со стороны главного виновника несчастья – великого князя Сергея. Его желание сделать вид, будто *ничего не произошло*, импонировало государю. «Вечером Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы сошли с ума».

А.Ф. Кони видел в появлении царя на балу один из примеров «отсутствия у него сердца»²⁹. Это вряд ли справедливо. Был бы Николай беспечным гулякой, которому лишь бы

²⁷ Согласно проведенному позднее расследованию, в давке на Ходынском поле пострадало 2690 человек, 1389 из них умерло. Ужас перед случившимся был столь велик, что очевидцы невольно преувеличивали число жертв. О пяти тысячах погибших можно прочитать и у других очевидцев.

²⁸ Вел. князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 306.

²⁹ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 164.

повеселиться, покуражиться, поплясать, а там хоть потоп, – тогда куда ни шло. При его вялом флегматичном темпераменте его можно попрекать многим, но только не этим. Я не исключаю, что в душе он скорбел о невинных жертвах. Кроме того, он не мог не усматривать зловещего символа в том, что беда пришла в дни коронации. При его склонности к мистике он должен был видеть в ходыньском несчастье предзнаменование будущих испытаний и бедствий. Если его смятение не бросалось в глаза, то не потому, что он не испытывал смятения. Прятать свое душевное состояние под маской почти дегенеративной заторможенности уже стало для него второй натурой. А то, что, явившись на бал, он выставял себя бесчеловечным монстром, – это он высокомерно игнорировал или вовсе не сознавал. Он слишком твердо усвоил «начала» самодержавия: государь всегда прав, а если и нет, то ответ будет держать перед Богом; не смертным его судить.

При таких «началах» и при неустойчивом характере государя российское государство стало расплзаться по швам. Первоначально этот процесс шел очень медленно, почти незаметно, как незаметно движение часовой стрелки на циферблате часов. Сильна еще была инерция стабильности, установившейся при его отце. Но со временем процесс распада убыстрялся, скоро его можно было уподобить ходу минутной стрелки, а затем и секундной. Одна из причин состояла в том, что «его величество по характеру своему с самого вступления на престол вообще недолюбливал и даже не переносил лиц <...> твердых в своих мнениях, своих словах и своих действиях»³⁰.

Если государь все-таки терпел таких лиц, то по той же слабости характера да еще из пietetа к покойному отцу, частично переходившему на его сановников. Поэтому при поддержке Николая «недолюбливаемому» Витте удалось провести денежную реформу и ввести в жизнь винную монополию. То и другое было начато при Александре III.

В эти же годы с большой энергией продолжалось прокладывание Транссибирской железнодорожной магистрали – то был один из самых грандиозных строительных проектов века.

Другим «обломком прошлого», которого Николай II, напротив, очень и очень «долюбливал», был обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев.

Почти во всем расходясь с Витте, Победоносцев расходился с ним и в еврейском вопросе. Александр III однажды попрекнул министра финансов тем, что тот «стоит за евреев». Скорее всего, это было инспирировано Победоносцевым. Витте ответил государю, что если тот может утопить всех евреев в Черном море, то он, Витте, понимает такое решение вопроса. Если же не может, то надо дать им дышать, жить по-человечески. Самое неразумное и вредное – держать их *между* жизнью и смертью, ничего хорошего такая политика не принесет.

Но Победоносцев стоял именно за такую политику. «Треть евреев вымрет, треть примет крещение [то есть ассимилируется и перестанет быть евреями], а треть – эмигрирует», – такова была формула *растянутого во времени* Холокоста, вычеканенная Победоносцевым. Она и проводилась в жизнь потом добрых сто лет.

«Ничего не менять!» – вот доминирующая установка Победоносцева. С таких позиций он подходил к любым проблемам, в том числе и к тому, что требовало немедленных перемен.

Набирая опыт «руководящей работы» и лучше узнавая Победоносцева, Александр III стал относиться к нему скептически. Царь видел, что его наставник может блестяще раскритиковать любую идею, но сам не способен предложить ничего конструктивного. Между тем, страной надо было *управлять*; Победоносцев был в этом плохой советчик, его влияние стало падать.

³⁰ Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 17.

Но оно снова возросло при Николае II, на которого Победоносцев, по словам великого князя Сандро, воздействовал «в том направлении, чтобы приучить его бояться всех нововведений»³¹.

Между тем, борьба между властью и обществом набирала обороты. Отбиваться от общества, *ничего не меняя*, становилось все труднее. Не сознавая, что главная проблема – он сам, государь становился все более недоволен министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным, на котором лежало обеспечение порядка и спокойствия во всей державе.

По свидетельству Витте, Горемыкин «был довольно либерального направления», но «под влиянием свыше, боясь себя скомпрометировать, начал вести довольно реакционную политику»³². Однако он был безынициативен, трусоват, действовал с оглядкой; и царь захотел посадить на его место сильного человека, так как «ему надоели пешки». Обратившись за рекомендацией к Победоносцеву, он услышал:

«– Есть два человека, которые принадлежат к школе вашего августейшего отца. Это Плеве и Сипягин. Никого другого я не знаю.

– На ком же из двух остановиться?

– Это безразлично. Оба одинаковы, ваше величество. Плеве – мерзавец, Сипягин – дурак. Николай II нахмурился.

– Не понимаю вас, Константин Петрович, я не шучу.

– Я тоже, ваше величество. Я осознаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет. Задача эта может быть выполнена только людьми такого калибра, как Плеве и Сипягин»³³.

Портфель министра внутренних дел достался «дураку». Два года спустя, будучи в гостях у Сипягина, Витте дружески заметил ему, что «он принимает чересчур резкие меры, которые по существу никакой пользы не приносят, а между тем возбуждают некоторые слои общества». Тот ответил, что иначе поступать не может: «наверху» (выше был только царь) даже эти меры считаются недостаточно строгими³⁴.

2 апреля 1902 года Сипягин приехал на заседание Комитета министров. К нему подошел офицер в адъютантской форме и протянул пакет из Москвы – от великого князя Сергея Александровича. Сипягин взял пакет, но в этот момент курьер выхватил браунинг и выстрелил несколько раз в упор.

Схваченный на месте преступления террорист оказался бывшим студентом Балмашовым. Он был повешен. Сипягин скончался в больнице, не приходя в сознание. Он заплатился за «чересчур резкие меры», которые наверху считались чересчур мягкими.

«Дурака» Сипягина сменил «мерзавец» Плеве, вождельно рвавшийся к высшему правительственному посту уже много лет. Его обошел Горемыкин, потом Сипягин, и теперь он был полон решимости доказать, что уж он-то наведет порядок! Он-то способен на такие меры, что земля содрогнется! Он-то сможет загнать обратно в бутылку вырвавшегося джинна крамолы!

Как и его предшественник, Плеве продержался на столь вождельном посту всего два года. Бомба, брошенная в его карету эсеровским боевиком Евгением Созоновым, остановила его «энергичные» меры. Однако и за этот недолгий срок Плеве успел так похабно наследить в русской истории, что и через сто с лишним лет его имя звучит как синоним кровавых оргий и грязных провокаций. Добился же он только того, что крамола в стране продолжала нарастать

³¹ Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 309.

³² Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 37.

³³ Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 309; Витте описывает этот разговор в сходных выражениях (только Плеве назван не *мерзавцем*, а *подлецом*), но относит его к более раннему времени, еще до назначения Горемыкина. (Витте С.Ю. Т.П. С. 34.) В контексте нашего повествования это разночтение несущественно.

³⁴ Витте С.Ю. Указ. соч., т. II. С. 191.

с неудержимой быстротой. Не помогли карательные экспедиции против крестьян, репрессии против студентов, скулодробительные акции против рабочих, ссылка, каторга, даже смертная казнь, применявшиеся против активных революционеров³⁵. Спровоцированный Плеве еврейский погром в Кишиневе не затормозил надвигающуюся революцию, а ускорил³⁶. Не помог и следующий погром – в Гомеле, где, к тому же, погромщикам дала отпор еврейская самооборона. На суде, погром был представлен как банальная драка, причем погромщики и давшие им отпор евреи рассматривались равно виновными. Все попытки защитников внести ясность в существо событий пресекались судом. Протестуя против профанации правосудия, защитники подсудимых евреев демонстративно покинули судебное заседание.

Солженицын повествовал о Гомельском погроме в полном соответствии с позицией властей, а уход адвокатуры комментировал следующим образом: «Этот находчивый и революционный ход либеральной адвокатуры был вполне в духе декабря 1904 – взорвать само судебное заседание!» (стр. 345).

Но адвокаты и раньше прибегали к такой крайней мере, к примеру, в Полтаве в 1902 году, когда судили крестьян, участвовавших в бунте и уже подвергнутых телесным наказаниям. Удостоверить это на суде было необходимо для спасения подсудимых от каторги, ибо закон запрещал дважды наказывать за одно и то же преступление. Однако, когда защитник кого-либо из обвиняемых пытался привести доказательства тому, что его клиент уже был наказан карателями, судья его обрывал, отказывал в вызове свидетелей, заявляя, что это не имеет отношения к делу. Лишенные возможности эффективно выполнять свой профессиональный долг, адвокаты, посоветовавшись (между прочим, в доме В.Г. Короленко), решили выразить протест совместным уходом из зала суда. Адвокаты не были революционерами, но сама власть толкнула их на революционный акт!

Таковы были успехи Плеве в борьбе с крамолой.

Когда Плеве исчерпал все свои полицейско-провокационные ресурсы, то решил прибегнуть к последнему средству: «маленькой победоносной войне». По его понятиям, она должна была пробудить в народе патриотические чувства и сплотить его вокруг шаткого трона. Но «маленькая победоносная война» с первых же дней стала превращаться в крупнейшее и позорнейшее поражение. Это окончательно ввергло страну в анархию.

Отдавая должное «мерзавцу», мы не должны забывать, что власть ему принадлежала постольку, поскольку он выполнял волю своего государя, выдерживавшего за его спиной роль тихони.

³⁵ Некоторые авторы любят подчеркивать, насколько мягко царский режим обходился со своими противниками, отправляя их в ссылку, где жизнь «несчастных страдальцев за народное дело» походила на курорт, да и бежать из ссылки было легко. Проводится сопоставление с режимом ГУЛАГа. Конечно, царская карательная система была мягче советской, однако политические преступники, прибегавшие к насилию или подстрекательству к насилию, присуждались к долгой или бессрочной каторге и к смертной казни. К ссылке же приговаривали тех, кто был изобличен или только подозреваем в незначительных преступлениях. Широко практиковалась административная ссылка без следствия и суда. Когда Ленина, Троцкого, Сталина и многих других отправляли в ссылку, то именно потому, что они не были уличены в серьезных преступлениях.

³⁶ См.: С. Резник. Хаим-да-Марья. Кровавая карусель. Исторические романы. Спб., «Алетейя», 2006. С. 215–400.

Безобразовщина (Эпоха Безобразова) 1904-1905

Тихоня навязал борьбу не только «живым общественным силам» страны. Не в меньшей мере он оказался склонен к внешним авантюрам. Остановить его мог только страх тяжелых последствий, а отнюдь не чувство чести или порядочности. Но оценивать меру риска он не умел – для этого у него не доставало стратегического мышления и политического чутья.

Беда чуть было не случилась уже в конце 1896 года, вскоре после Ходынки, когда посол России в Константинополе А.И. Нелидов явился с проектом захватить Босфор, воспользовавшись внутренней смутой в Турции. На собранном под председательством государя совещании против авантюры решительно высказался С.Ю. Витте. Он напомнил о Берлинском трактате, подписанном после Балканской войны, в конце царствования Александра II. Россия тогда, ценой тяжелых жертв, одержала победу над Турцией и навязала ей выгодные для себя условия мира; но вмешались европейские державы и заставили отказаться почти от всех преимуществ, добытых кровью солдат. Витте говорил, что если России и удастся захватить Босфор, снова вмешаются европейские державы, и тогда придется уйти ни с чем, либо ввязаться в большую войну. Однако другие участники совещания, стараясь потрафить прямо не высказанному, но всем понятному желанию царя, поддержали Нелидова, и Николай объявил о своем самодержавном решении: спровоцировать конфликт и – брать Босфор!

То была напускная бравада. В душе Николай боялся ответственности за возможный провал и хотел переложить ее на других. Соответственно и «журнал» (то есть протокол) обсуждения босфорской авантюры был сфальсифицирован: решение подавалось в нем как единогласное. Получив этот журнал на подпись, Витте вернул его с письмом государю, в котором напоминал о своей несогласии с остальными участниками совещания. Он верноподданнически просил внести в журнал его особое мнение, так как он предвидит непоправимые бедствия, к каким приведет захват Босфора, и не хочет, чтобы потомки считали его причастным к этому решению. Демарш министра финансов заставил государя заколебаться, и Витте попытался дожать его, прибегнув к закулисной интриге (когда такие методы применялись другими, он их гневно осуждал). Он ввел в курс дела своего антипода К.П. Победоносцева и великого князя Владимира Александровича, объяснил им, какая каша может завариться. Оба имели большое влияние на Николая и сочли нужным его предостеречь. Кончилось тем, что царь дал отбой. Но сама легкость, с какой он склонился к аванюре, не предвещала ничего хорошего.

В Голландии, в Гааге, имеется единственное в своем роде учреждение – Международный дворец мира. Здесь же располагается Международный Суд ООН – в нем судят военных преступников. Здесь ведется научно-исследовательская работа по международному праву.

Вместе с тем, Дворец мира – это великолепный музей, в нем не иссякает поток посетителей. Обаятельные гиды рассказывают об удивительной истории этого учреждения. В строительстве музея и в то, что ему придан современный облик, внесли свою лепту десятки стран мира, а также крупные частные фонды, в особенности фонд Эндрю Карнеги. А начало было положено в 1898 году на Международной Гаагской конференции, созванной по инициативе императора России Николая II. Его парадный портрет занимает в экспозиции почетное место, ибо это он выступил с великой идеей всеобщего разоружения и отказа от решения международных конфликтов военным путем.

Идеи, воплощенные в Дворце мира, до сих пор не стали определяющими в международных делах, но они живут второе столетие, набирают сторонников, и, может быть, когда-нибудь восторжествуют. То, что русский царь стоял у истоков этого гуманнейшего начинания, делает ему честь. Однако, когда узнаешь о генезисе его инициативы, то романтический ореол вокруг нее сильно тускнеет.

Началось с того, что разведка донесла о широкой программе обновления артиллерии в австрийской армии. Россия только что приступила к перевооружению пехоты, на что военному министерству были отпущены большие средства, а с артиллерией решили повременить: она была не хуже, чем у потенциальных противников. Австрийское начинание спутало расчеты. Военный министр А.Н. Куропаткин настолько растерялся, что обратился к министру иностранных дел Н.М. Муравьеву с предложением воздействовать на Австрию дипломатически: пусть повременит с модернизацией артиллерии, пока Россия не будет готова к тому же!

Витте, с которым снесся по этому вопросу Муравьев, высмеял генерала: уж лучше залезть в новые долги и ассигновать необходимые средства на артиллерию, чем демонстрировать свою несостоятельность. В ходе разговора Витте стал рассуждать о том, как много средств во всех странах тратится на вооружение, как это вредит экономике и каким благом для Европы и всего мира могло бы обернуться международное соглашение о том, чтобы положить этому предел. «Хотя мои мысли не представляли ничего особенно нового, – замечает Витте, – но для Муравьева при полной его некультурности в серьезном смысле этого слова многие из моих мыслей явились совершенно новыми»³⁷.

Муравьев доложил обо всем государю. Так родилась инициатива о созыве международной мирной конференции: гуманное начинание Николая II было всего лишь военно-дипломатической хитростью!

«Тем не менее, – подытоживал Витте, – величайшая заслуга государя, что он возбудил этот вопрос, но, конечно, будет еще большая заслуга, если в дальнейшем царствовании своем он своими действиями покажет, что мирное предложение, им сделанное, представляет не только внешнюю форму, но содержит в себе и практическую реальность. К величайшему сожалению, надо признаться, что на практике пока мысль о мирном разрешении вопроса осталась в области разговоров, Россия сама делает пример совершенно обратный тому, что было предложено ее монархом, ибо несомненно, что вся Японская война и кровавые последствия, от этого происшедшие, не имели бы места, если бы мы не на словах, а на деле руководствовались мирными великими идеями»³⁸.

Это было написано в 1912 году. Через два года, втравив Россию в совершенно не нужную ей мировую войну, Николай еще раз показал истинную цену своих мирных устремлений.

Авантюры Николая на Дальнем Востоке были серией безумств, спровоцировавших «маленькую победоносную войну», обернувшуюся большим кровавым позором.

«Кто виноват в этой войне? – спрашивал Витте и отвечал. – В сущности никто, ибо единственно кто виноват, это самодержавный и неограниченный император Николай II. Он же не может быть признан виновным, ибо он не только, как самодержавный помазанник Божий, ответственен лишь перед Всевышним, но, кроме того, с точки зрения новейших принципов уголовного права, он не может быть ответственен, как человек если не совсем, то, во всяком случае, в значительной степени невменяемый»³⁹.

Круг событий, предшествовавших войне, показывает, насколько безнравственным был российский самодержец, считавший себя верующим христианином, но попиравший все Божьи и человеческие заповеди.

Широко распространено убеждение, что мораль и политика – две вещи несовместные. Однако дальновидной и мудрой может быть только честная и гуманная, то есть нравственная, политика. Обманом, коварством, провокациями, жестокостью можно порой добиться сиюминутных выгод, но в дальней перспективе такая политика обречена на провал.

³⁷ Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 153.

³⁸ Там же. С. 155.

³⁹ Там же. С. 269.

Для достижения химерических целей на Дальнем Востоке Николай и его правительство пустили в ход арсенал самых низких средств: ложные посулы, лицемерие, подкуп, нарушение договорных обязательств и – бесчисленные убийства своих и чужих... Самодержец всероссийский оставался верен себе в главном. Коронованный революционер постоянно строил интриги против своих собственных помощников, вступая в сговор с одними сатрапами за спиной других, а затем предавая первых под напором вторых.

Строительство Транссибирской магистрали побудило царское правительство всемерно улучшать отношения с Китаем, и пока эта политика проводилась честно, она приносила богатые плоды. Россия получила согласие на проведение части дороги по китайской территории, что значительно спрямляло, удешевляло и ускоряло постройку. Дорога, все сопутствующие сооружения и полоса отчуждения, охраняемая российскими войсками и пограничной стражей, оставались полностью под контролем России. Отношение китайских властей и населения к служащим Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и ее охране самое дружелюбное.

Позиции России на Дальнем Востоке в еще большей мере укрепили договоры, заключенные в Москве во время коронации 1896 года. По одному из них, Россия стала гарантом территориальной целостности Китая, еще теснее привязав к себе гиганта, на который с вожделием поглядывали колониальные державы. По другому договору, Япония отказалась от каких-либо притязаний в Корее. А по договору с Кореей, Россия направила в нее военных и финансовых советников и небольшой контингент войск. Практически вся финансовая и экономическая жизнь этой страны перешла под контроль России, причем, без какого-либо противодействия со стороны других держав.

Когда японские войска вторглась на Ляодунский полуостров, Россия добилась их ухода. Дружеское расположение китайских властей и всего населения к России возросли еще больше; и, хотя отношения с Японией ухудшились, она смирилась со своей неудачей.

И вдруг германский морской десант совершил высадку в китайском порту Циндао, причем оказалось, что Россия, несмотря на договорные обязательства по отношению к Китаю, потребовать их удаления не может, так как кузен Никки «неосторожно» дал кузену Вилли согласие на этот разбой. Более того, склонный к авантюрам министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев составил записку, в которой предлагал воспользоваться акцией кузена Вилли для собственного разбоя, а именно, для захвата Порт-Артура и бухты Даляньвань, куда незамедлительно была направлена российская эскадра.

Против новой авантюры опять возражал Витте, доказывая, что такое неслыханное коварство подымет против России дружественный Китай и разъярит Японию. Кроме того, удерживать Порт-Артур будет невозможно без проведения к нему железнодорожной ветки от Восточно-Китайской дороги, а для ее охраны придется оккупировать значительную часть Ляодунского полуострова, что еще больше ожесточит и Японию, и Китай, да и другие страны вряд ли останутся в стороне.

Доводы Витте, как и в случае с Босфором, произвели впечатление на Николая; он объявил, что муравьевский проект не утверждает. Но все уже знали, что решение царя редко бывает окончательным. Николая продолжали тянуть в разные стороны, и на этот раз верх взял Муравьев, придумавший новое основание для авантюры: вблизи Порт-Артура появились британские корабли; если «мы» прозеваем, то там высадятся англичане.

Британцы высадки не планировали, и это легко было выяснить по дипломатическим каналам. Но подзуживаемый Муравьевым, Николай предпочел не выяснять: слишком уж у него чесались руки. При этом ему хотелось верить, что он меняет решение самостоятельно – ввиду изменившихся обстоятельств.

Муравьев уверял китайские власти, что русские корабли прибыли к тихоокеанскому побережью, чтобы заставить уйти немцев: как только те уберутся, русские тоже уйдут. Китайцы верили. И вдруг посланник России в Пекине потребовал, чтобы

Китай передал ей «в аренду на 36 лет» Порт-Артур, бухту Даляньвань и часть Ляодунского полуострова (Квантунскую область). Потрясенная коварством союзника, императрица-мать (регентша при малолетнем китайском императоре) отказалась выполнить это требование. Серьезной военной силы у нее не было, но послы Англии и Японии обещали поддержку – это придавало ей твердости. В воздухе запахло войной.

Стремясь предотвратить катастрофу, Витте обратился к германскому послу Родолину с просьбой передать от него лично кайзеру Вильгельму совет: уйти из Китая во избежание непоправимых бед и для Германии, и для России. Вильгельм велел передать Витте, что тот зря беспокоится: ему, видимо, неизвестны некоторые обстоятельства (то есть соглашение между Никки и Вилли, утаенное Николаем от собственных министров). Между тем, эта переписка была перехвачена министерством иностранных дел, дешифрована, и торжествующий Муравьев доложил о ней царю. Очередной доклад министра финансов был встречен с предельной холодностью. Завершая аудиенцию, царь предупредил его, что ему следует быть осторожнее в беседах с иностранными послами.

Витте вынужден был просить об отставке, мотивируя тем, что он, по-видимому, утратил доверие своего государя. Николай ответил, что вполне доверяет ему *как министру финансов* и просит остаться. Это означало, что, по крайней мере, частично царь ему доверять перестал, а, стало быть, отставка неминуема в ближайшее время.

В отчаянной попытке вернуть утерянные позиции, Витте решил доказать свою преданность не вполне обычным путем. Он дал указание представителю российского министерства финансов в Китае встретиться с наиболее влиятельным китайским сановником Ли Хун-Чжаном и его ближайшим сподвижником Чан Ин-Хуаном и от имени Витте (который хорошо знал обоих) настоятельно рекомендовать им убедить императрицу-мать, что она должна принять условия России. В случае успеха первому сановнику было обещано полмиллиона, а второму – четверть миллиона рублей.

Вскоре пришел положительный ответ, и когда Витте телеграммой сообщил об этом царю, тот в недоумении написал: «Не понимаю, в чем дело?» А когда разъяснилось, как дешево досталась «аренда» лакомого куска территории Китая, Николай отметил: «Это так хорошо, что даже не верится»⁴⁰.

Витте уверяет: то был единственный случай, когда он прибегнул к подкупу иностранных сановников. Если так, то случай вдвойне поучителен. Витте вернул себе фавор совсем ненадолго: отставка его все равно была неизбежна. Оба китайских сановника после этой сделки утратили всякое влияние; один из них окончил дни в тюрьме, где, видимо, был умерщвлен. А вечно колеблющегося Николая «блестящая» операция лишь поощрила на новые авантюры.

Захват Порт-Артура и Квантунской области прошли гладко, но отношение к России в Китае резко изменилось. Население из дружелюбного превратилось во враждебное. Началось так называемое боксерское восстание, которое принесло много материальных потерь и стоило немало жизней служащим КВЖД и ее охране. Но Петербург ликовал: появился повод для новых захватов.

Под предлогом усмирения «боксеров» Россия ввела войска в Манчжурию, был разграблен Пекин, в том числе императорский дворец, спешно покинутый его обитателями. «Боксеров» усмирили, но уходить из Китая не собирались. Генерал А.Н. Куропаткин, воинственный и недалекий, уверял, что Манчжурия так и останется российской провинцией.

Эти события до предела обострили отношения России с Японией, и на сторону последней стали почти все крупные державы: Великобритания, Соединенные Штаты, Франция, даже Германия, с которой всё и началось. Все настаивали на удалении российских войск из Манчжу-

⁴⁰ Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 135–136.

рии, а Япония потребовала за уступку Ляодунского полуострова вознаграждение в виде Кореи. Россия вынуждена была принять эти условия. Так гора родила мышь, да и та оказалась дохлой.

Но и на этом дальневосточные авантюры венценосного революционера не прекратились.

Вместо умершего в 1900 году графа Муравьева Министром иностранных дел был грамотный дипломат и уравновешенный политик граф В.Н. Ламсдорф. Но скоро выяснилось, что царь с его мнением не считается. Роль министра иностранных дел была сведена к *оформлению* чужих решений. Зато великий князь Сандро – человек неутомимый, авантюрного склада – охотно вмешивался во все и вся, включая внешнюю политику. Он отыскал «затока» дальневосточных дел, отставного ротмистра А.М. Безобразова, ввел его в Зимний Дворец, и тот очаровал государя «хитроумным» проектом ползучего возвращения в Корею.

Коль скоро договор с Японией не позволял правительству России соваться в эту страну, то пусть в нее проникают частные фирмы! Такова была светлая мысль Безобразова. Пусть они заключают сделки, берут концессии на всяческие разработки в Корее, вгрызаются в ее природные богатства, прибирают к рукам ее экономику, а субсидировать их и действовать за их спиной будет государство! Эти детские хитрости и легли в основу дальневосточной политики империи. Николай не понимал, что надувает не Японию, а самого себя.

Об опасности безобразовского курса неустанно говорил государю Витте, его осторожно поддерживал граф Ламсдорф, о том же Николаю писал князь В.П. Мещерский⁴¹, имевший на него немалое влияние, один из немногих, с кем государь был на «ты». Государь не спорил, но продолжал закулисные интриги с отставным ротмистром, который не занимал никакого официального поста и ни за что не отвечал. Мещерскому царь ответил в характерном для него стиле конспиратора: «6 мая [1903 года] увидят, какого мнения по этому предмету я держусь»⁴².

6-го мая тайное стало явным: Безобразову был пожалован пост статс-секретаря его величества. Когда его жена (из-за болезни она жила в Женеве, но приехала представляться при дворе) узнала, какую силу забрал ее благоверный, она не могла сдержать изумления: «Никак не могу понять, каким образом Саша может играть такую громадную роль, неужели не замечают и не знают, что он полупомешанный»⁴³.

Полупомешанный стал поводырем полуневменяемого.

Япония не раз обращалась с предложениями урегулировать спорные вопросы и всю систему двухсторонних отношений, но Николай, демонстрируя свое пренебрежение к «макакам», высокомерно отвечал послу страны восходящего солнца: «Япония дождется того, что рассердит меня». Для вящего посрамления «макашек» все дела с ними, как заведомо мелкие, были переданы начальнику Квантунской области, возведенному в ранг заместителя на Дальнем Востоке, адмиралу Е.И. Алексееву. Это само по себе было оскорбительно для суверенной державы, а при полной никчемности адмирала Алексеева прямо вело к конфликту.

Карьера Алексеева была одиозна даже по тем временам. Молодым морским офицером он попал в свиту великого князя Алексея Александровича и угождал ему особой услужливостью. Оказавшись в Марселе, великий князь с компанией русских моряков отправился «в веселое заведение с дамами», где подвыпивший член императорской фамилии так надебоширил, что в «заведение» явилась полиция. Запахло международным скандалом. А наутро в полицейский участок пожаловал молодой офицер Алексеев и дал показания, что это он бесчинствовал в публичном доме, а не великий князь Алексей; в протоколе-де оказалась ошибка из-за сходства имени одного и фамилии другого.

⁴¹ В.П. Мещерский издавал крайне реакционную и лакейскую газету «Гражданин», на которую ежегодно получал щедрую правительственную субсидию. Будучи гомосексуалистом, он постоянно находился в окружении «любимцев», о чьей судьбе проявлял неустанную заботу. Благодаря его связям и влиянию все они делали головокружительную карьеру на государственной службе, благодаря чему усиливалось влияние самого Мещерского.

⁴² Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 227.

⁴³ Там же. С. 174.

За подобные услуги великий князь и двигал вверх Алексева. Не пройдя реальной выучки ни в сухопутных войсках, ни во флоте, ни в административном аппарате, он оказался во главе дальневосточной политики империи, а затем – воюющей армии.

Возможно, инстинкт самосохранения все-таки удержал бы Николая на краю пропасти, если бы вслед за Безобразовым его не стал в нее спихивать министр внутренних дел Плеве. Для борьбы с надвигающейся революцией ему требовалась «маленькая победоносная война». Последним препятствием оставалось сопротивление министра финансов. Витте был честолюбив и хотел удержаться у власти, но не любой ценой: ему было важно, какое место он займет в истории. Неминуемо приближался день, когда царь, с необычной любезностью выслушав его очередной доклад и, пряча глаза от смущения, произнес:

«Я вас хочу назначить на пост председателя комитета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить [управляющего государственным банком Э.Д.] Плеске». И – с лицемерным недоумением: «Разве вы недовольны этим назначением? Ведь это самое высокое место, какое только существует в империи»⁴⁴.

«Высокое место» было почетной отставкой, так как главой правительства был царь, каждый министр отчитывался только перед ним и получал указания только от него. Когда обескураженный Витте удалился, Николай с облегчением перевел дух, сказав только одно слово: «Уф»⁴⁵. Гора спала с плеч многострадального Иова: ведь он так не любил обижать людей! Но другого выхода у него не было, путь к катастрофе должен был быть расчищен!

Самым поразительным было то, что, провоцируя военный конфликт с Японией, венценосный конспиратор не считал нужным к нему готовиться. Война началась в январе 1904 года «неожиданным» нападением японских кораблей на русскую эскадру и осадой Порт-Артура. Николай заметил, что это для него как булавоочный укол, хотя тысячи русских моряков уже кормили рыб на дне Тихого океана. Попытки Плеве инспирировать массовые патриотические шествия провалились. Война с самого начала была непопулярной, а по мере того, как приходили вести о поражениях, все более крупных и позорных, она становилась более и более ненавистой.

С развитием событий на Дальнем Востоке вал революционного движения пошел круто вверх. В июле 1904 года эсеровский боевик Егор Созонов достал-таки Плеве. Взрывом бомбы всесильного министра разнесло на куски. Сам террорист был тяжело ранен, контужен и тут же избит. Когда Созонов-отец выехал из родной Уфы в Петербург, чтобы как-то облегчить участь арестованного сына, он боялся, что в поезде его узнают и – растерзают. Его узнали. И стали обнимать, откупоривать бутылки шампанского, произносить тосты в честь его сына. Созонов-отец был богатым лесопромышленником и ездил в первом классе, так что его попутчиками были добропорядочные и весьма состоятельные обыватели, отнюдь не революционеры. Ненависть к первому министру и олицетворяемому им режиму была всеобщей.

Убийство Плеве показало Николаю, как далеко завела его десятилетняя борьба против общества. Не на шутку перепугавшись, он назначает на главный пост в стране князя П.Д. Святополка-Мирского – человека иного склада и ориентации. Будучи Виленским губернатором, он проводил политику сотрудничества с общественными кругами и сумел в сложном, весьма пестром по религиозному, этническому и социальному составу крае заслужить высокую репутацию и пользовался всеобщим уважением.

Сделав его министром внутренних дел, царь показал, что «несбыточные мечтания» все-таки могут сбыться, и очень скоро. В первом же выступлении перед чинами министерства П.Д. Святополк-Мирский сказал: «Плодотворность правительственного труда основана на искренне благожелательном и искренне доверчивом отношении к общественным и сословным

⁴⁴ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 232.

⁴⁵ Там же. С. 269.

учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы получим мы взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устройства государства»⁴⁶.

Таких слов от власти в России не слышали, кажется, за всю ее тысячелетнюю историю!

В числе первых дел нового министра было – возвращение из ссылки земских деятелей, попавших в опалу при Плеве, и ослабление цензуры. Началась эпоха *гласности и перестройки*. Становилось похоже на то, что власть – в лице нового министра внутренних дел – *искренне* готова к сотрудничеству с общественными силами.

Но Николай, поддавшись этому настроению из страха, тотчас дал задний ход. Прямо и косвенно Мирскому стали ставить палки в колеса. Слово «выборы», появившееся в некоторых его документах, для Николая было крамольным. Напрасно Мирский внушал государю, что промедление смерти подобно, так как ситуация выходит из-под контроля. Николай давал обещания и тотчас от них отказывался. А общество, видя, что кулак власти стал разжиматься, усиливало нажим.

В декабре 1904 года Святополк-Мирский подготовил царский указ о разработке целого ряда реформ, где главным было положение о созыве «представительных учреждений». Но царь снова вычеркнул крамольный пункт, в значительной мере обесценив весь документ. Он не терпел «парламентриядии адвокатов». Презрительный неологизм он соорудил из слов *парламент* и *Финляндия*. Особый статус Финляндии с ее сеймом и конституцией не давал царю покоя; он не раз пытался ограничить полномочия сейма, обломать непослушных депутатов, что приводило к острым эксцессам. Финляндский генерал-губернатор Н.И. Бобриков, рьяно проводивший политику подавления свобод, гарантированных финляндской конституцией, вскоре будет убит террористом. Даже императрица-мать, Мария Федоровна, тщетно просила сына «не травить финляндцев». И вот теперь, «парламентриядию» ему предлагали распространить на всю империю! Это никак не совмещалось с усвоенными им «началами».

Однако остальные пункты программы Мирского были утверждены. Конкретная разработка реформ поручалась канцелярии Комитета министров, что частично возвращало к активной деятельности Витте, в котором Мирский видел своего союзника. Томившийся бездельем Витте стал энергично создавать комиссии и особые совещания по подготовке решений в духе новых начинаний. В короткий срок были подготовлены проекты постановлений о водворении законности, о веротерпимости, об облегчении положения старообрядцев и сектантов, о свободе пользования украинским языком, в то время запретным. Возобновилась работа по земельной реформе, начатая им еще в 1903 году, по рабочему законодательству, по подготовке более либерального цензурного устава.

Напуганный государь большинство предложений утверждал без сопротивления. Но вскоре он «по обыкновению заколебался», ибо «пошли наушничанья из темных углов», и «сделав шаг вперед, он уже решил сделать шаг назад»⁴⁷. А ведь речь шла об очень умеренных реформах, идущих навстречу не столько даже требованиям общества, сколько требованиям здравого смысла.

«То, что говорилось [в Комитете министров], почиталось бы между всеми конституционными фракциями, не говоря о тайных и явных революционерах, обскурантизмом», признавал тот же Витте⁴⁸.

С Дальнего Востока приходили вести о новых тяжелых поражениях. Без толку и смысла гибли тысячи солдат. Под напором общественности царь назначил командующим военного министра А.Н. Куропаткина, тогда еще пользовавшегося престижем решительного вояки, но оставил на посту главнокомандующего адмирала Е.И. Алексеева. Перед отъездом в действующую

⁴⁶ Цит. по: Игнатъев А.В., Голиков А.Г. Комментарии. В кн.: Витте С.Ю. Указ, соч. Т. II. С. 554.

⁴⁷ Витте С.Ю. Указ, соч. С. 342.

⁴⁸ Там же.

щую армию Куропаткин пришел к Витте за советом: что ему делать по прибытии на место? Тот ответил, что первым делом следует арестовать адмирала Алексеева и отправить его под конвоем в Петербург, а царю послать телеграмму с просьбой либо казнить за самоуправство, либо дать возможность вести войну с несвязанными руками, ибо ничего не может быть опаснее на войне, чем двоевластие. Куропаткин это понимал, но совету последовать не мог. Не того калибра был человек.

Двоевластие в Дальневосточной армии отражало двоедушие мечущегося государя. Шараясь из стороны в сторону, он с неумолимой последовательностью принимал самые губительные решения. Великий князь Сандро картинно живописует, как несколько раз убеждал Николая *не* посылать на Дальний Восток эскадру адмирала З.П. Рожественского и как Николай «твердо» с ним соглашался, а затем столь же «твердо» менял свое решение. Произошло неминуемое:

«Наш флот был уничтожен в Цусимском проливе, адмирал Рожественский взят в плен. Если бы я был на месте Никки, я бы немедленно отрекся от престола. В Цусимском поражении он не мог винить никого, кроме самого себя (будто в чем-то другом самодержиц мог винить других, но не себя! – С.Р.). Он должен был бы признаться, что у него не доставало решимости отдать себе отчет во всех последствиях этого самого позорного в истории России поражения. Государь ничего не сказал, по своему обыкновению. Только смертельно побледнел и закурил папиросу»⁴⁹.

Положение на внутренних фронтах складывалось еще опаснее, чем на дальневосточном. Здесь тоже царило двое-и многовластие. Даже самые крутые приверженцы самодержавия не строили иллюзий относительно того, на ком лежит основная вина за переживаемые бедствия. Один из наиболее образованных и умных «монархистов» Б.В. Никольский⁵⁰, представлявшийся государю в апреле 1905 года, записал в дневнике:

«Нервность его ужасна. Он, при всем самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста. Когда его лицо не движется, то оно имеет вид насильственно, напряженно улыбающийся. Веки все время едва уловимо вздрагивают. Глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие. Когда говорит, то выбирает расплывчатые, неточные слова, и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, головой, плечами, руками, даже переступая... Точно какая-то непосильная ноша легла на хилого работника, и он неуверенно, шатко, тревожно ее несет»⁵¹.

Никольский считал, что «не быть ему [самодержавию] нельзя... Быть или не быть России, быть или не быть самодержавию – одно и то же»⁵². Но, по мере ухудшения ситуации, записи в его дневнике становились все более жесткими, даже заговорщическими. Вот пассаж от 15 апреля: «Я думаю, что царя органически нельзя вразумить. Он хуже, чем бездарен! Он – прости меня Боже, – полное ничтожество. Если так, то нескоро искупится его царствование. О, Господи, неужели мы заслужили, чтобы наша верность была так безнадежна?.. Я мало верю в близкое будущее. *Одного* покушения [на царя] теперь мало, чтобы очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское. [В Сербии в 1903 году группой офицеров был совершен государственный переворот; король и королева были убиты.] Конечно, мне первому погибать. Но мне жизни не жаль – мне России жаль»⁵³.

⁴⁹ Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 341.

⁵⁰ Борис Владимирович Никольский был профессором Римского права, преподавал в Юрьевском и Петербургском университетах и в элитарном училище Правоведения. Был активным участником и идеологом монархического «Русского собрания», из которого затем вырос «Союз русского народа». После раскола «Союза» в 1908 году Никольский примкнул к группе Дубровина, хотя в дневнике характеризовал его «противным, грубым животным». Принимал активное, хотя и не афишированное участие в выработке стратегии черносотенцев в связи с делом Бейлиса.

⁵¹ Дневник Бориса Никольского. «Красный архив». 1934. Т. 2 (63). С. 72.

⁵² Там же. С. 73.

⁵³ Там же. С. 80.

26 апреля: «Мне дело ясно. Несчастный вырождающийся царь с его ничтожным, мелким и жалким характером, совершенно глупый и безвольный, не ведая, что творит, губит Россию. Не будь я монархистом – о, Господи! Но отчаяться в человеке для меня не значит отчаяться в принципе»⁵⁴.

19 мая: «В какое ужасное время мы живем! Чудовищные события в Тихом океане превосходят все вероятия. Что дальше будет, жутко и подумать... Конец России самодержавной и, в лучшем случае, конец династии. На чудо рассчитывать нечего... Но, конечно, если бы я верил в чудеса и в возможность вразумить глупого, бездарного, невежественного и жалкого человека, то я предложил бы пожертвовать одним-двумя членами династии, чтобы спасти ее целостность и наше отечество. Повесить, например, Алексея и Владимира Александровичей, Ламсдорфа и Витте, запретить по закону великим князьям когда бы то ни было занимать ответственные посты, расстричь Антония⁵⁵, разогнать всю эту шайку и пламенным манифестом воззвать к народу, заключив мир до боя на сухом пути. Тогда еще все могло бы быть спасено. Но это значит: распорядись, чтобы сейчас стала зима. Замени человека другим человеком... Я не Бог, чтобы из бабы делать мужчину, из Николая – Петра... Агония может еще продлиться, но что пользы?.. Династия – вот единственная жертва. Но где взять новую? Ведь придворный переворот безнадежен, ибо при нем – долой закон о престолонаследии, а тогда полная смута. Словом, конец, конец!.. Еще если бы можно было надеяться на его самоубийство – это было бы все-таки шансом. Но где ему!..»⁵⁶

Вот когда, оказывается, – не у эсеровских боевиков, а у самых крайних «патриотов» и адептов самодержавия – возникла мысль о необходимости устранить Николая! Впрочем, есть свидетельство, на мой взгляд, сомнительное, что еще раньше, в 1903 году, Витте обратился к главе департамента полиции А.А. Лопухину с конкретным предложением:

«У директора Департамента полиции ведь, в сущности, находится в руках жизнь и смерть всякого, в том числе и царя, – так нельзя ли дать какой-нибудь террористической организации возможность покончить с ним; престол достанется его брату (тогда еще сына у Николая II не было), у которого я, С.Ю. Витте, пользуюсь фавором и перед которым могу оказать протекцию и тебе»⁵⁷.

Витте не был близок с Лопухиным, не доверял ему как сотруднику Плеве и вряд ли решился бы на такую откровенность. В крайнем случае, мог сделать намек, которому Лопухин впоследствии дал свое толкование. Но мысль о том, что гибель государя могла бы стать спасением для страны и монархии, наверняка посещала Витте!

Однако ни в убийстве, ни в самоубийстве царя необходимости не было. Вполне достаточно было отречения от престола. Какую огромную услугу он этим оказал бы любимому отечеству! Но для принятия хотя бы такого решения нужно было быть личностью: а не «тварью дрожащей». Так что – «где ему!»

Но законно было бы спросить того же Никольского, где был он и подобные ему «патриоты»? Видя единственное спасение России в устранении Николая, они отваживались только на кукиш в кармане.

Что до террористов из революционного лагеря, то смелости им было не занимать, но настоящей злости к царю у них не было. Слишком он был мелок, ординарен, неприметен, походил на тень самодержавного деспота. Своей податливостью, мягкостью, умело разыгрываемой ролью тихони, он прятался за спину «сильных личностей» типа Плеве, а позднее – Столыпина,

⁵⁴ Там же. С. 80–81.

⁵⁵ Митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (Александр Васильевич Вадковский) выступал за меньшую зависимость церкви от светской власти. Предложенную им реформу торпедировал обер-прокурор синода К.П. Победоносцев. Как видим, предложения Антония были не по нутру и идеологам черной сотни, охотно выступавшим под флагом православия.

⁵⁶ Дневник Бориса Никольского. С. 83.

⁵⁷ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М. – Прг., 1926. С. 73.

одновременно ревнуя к их репутации и подставляя их под пули и бомбы террористов вместо себя. Центральный Комитет партии социалистов-революционеров даже принял особое решение, запретившее Боевой Организации покушаться на царя. Запрет был снят только на излете деятельности Боевой Организации, когда она, благодаря двойной игре ее главаря Евно Азефа, была под надежным колпаком у тайной полиции. Коронованный революционер оказался куда более ловким конспиратором, чем все Азефы и Савинковы, вместе взятые.

Витте назвал внутреннюю политику тех судьбоносных месяцев 1904–1905 года «реакционными шатаниями» с «искрами напускного либерализма»; они «не только не успокаивали смуту, а производили совершенно обратное действие»⁵⁸.

Одной из «искр либерализма» стало удаление в отставку московского генерал-губернатора Сергея Александровича, давно ставшего символом всего самого жестокого и реакционного в реакционном режиме, хотя сам великий князь был игрушкой в руках обер-полицеймейстера Москвы, к тому времени уже генерала, Д.Ф. Трепова.

Трепов «принципиально» ушел в отставку вслед за своим патроном, громогласно заявив, что он «не согласен» с политикой министра внутренних дел Святополка-Мирского и намерен отправиться в действующую армию. В сущности, это был открытый выпад против государя, который Святополка поставил. Но выпады «справа» царя не оскорбляли, он не чувствовал себя уязвленным ими; напротив, к тем, кто это себе позволял, он тотчас проникался особой симпатией. Когда бравый конногвардеец, перед тем, как отправиться на фронт, приехал в Петербург, министр двора граф В.Б. Фредерикс – тоже бывший конногвардеец, по традиции протезировавший «своим», – представил его государю. Тот не только принял фрондера, но с первого взгляда, как гимназистка, «влюбился» в храброго генерала с выпяченной грудью и страшными глазами. Трепов тотчас был назначен Петербургским генерал-губернатором. О его отъезде в действующую армию вопрос уже не стоял. Вслед за тем, Трепов был назначен заместителем министра внутренних дел и командующим Петербургским гарнизоном. Заняв три ключевых поста и заручившись исключительным доверием государя, он фактически стал главой исполнительной власти с почти диктаторскими полномочиями.

Между тем, анархия, разгулявшаяся в стране, проникла в само государственное управление. На всех уровнях власти царили неразбериха, растерянность, боязнь бездействия и еще больший страх действовать.

То, что на воскресенье 9 января 1905 года назначено массовое шествие рабочих к Зимнему дворцу – для подачи петиции с изложением их нужд, ни для кого не было секретом. То, что манифестация будет мирной, под руководством священника Григория Гапона, вскормленного в Департаменте полиции «самим» Зубатовым, тоже было известно. Копию петиции рабочих Гапон заблаговременно передал властям – в ней не было ничего крамольного. Петербургский градоначальник генерал И.А. Фуллон лично знал Гапона и полагался на него. Казалось бы, к такой демонстрации следовало отнестись благосклонно.

Однако, когда намеченный день придвинулся и стало ясно, что демонстрация примет небывалый размах, власти охватила паника. Пример подал сам государь: заблаговременно убрался в Гатчину. 8 января вечером Святополк-Мирский собрал совещание. На нем был принят план градоначальника Фуллона и генерал-губернатора Трепова – самое нелепое из всех возможных решений: не препятствовать демонстрантам при прохождении по улицам города, но на Дворцовую площадь не допускать, загородив подходы к ней полицейскими кордонами; а в случае отказа разойтись, пустить в ход оружие. Если бы намеренно хотели устроить кровавую баню, то нельзя было изобрести лучшую ловушку.

Пока шло заседание у Мирского, к Витте, видимо, как к наиболее здравомыслящему представителю власти, пришла депутация от редакции «Наших дней» (включавшая Максима

⁵⁸ Витте С.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 351–352.

Горького). Делегация просила принять срочные меры для недопущения кровопролития. Обер-министр без портфеля, уязвленный тем, что даже не приглашен на совещание к Мирскому⁵⁹, ответил, что он ни во что не посвящен, помочь не может. Все же он позвонил Мирскому и попросил выслушать депутацию; тот ответил, что принять ее не может.

На следующий день страна содрогнулась от кровавой расправы, в которой неизвестно, чего было больше – трусости, подлости или бездушия. Либеральная печать, вчера еще благоволившая к Святополку-Мирскому, обвиняла его в «слабости» и в этом сошлась с дворцовой камарильей. Недолгая эпоха «доверия к обществу» кончилась. «Слабый» Мирский был отставлен, зато позиции «сильного» Трепова – главного виновника Кровавого Воскресенья – укрепились.

Министром внутренних дел царь назначил добродушного А.Г. Булыгина. Он много лет состоял вторым человеком в Москве после генерал-губернатора Сергея Александровича, но не имел никакого влияния, так как все держал в своих руках Д.Ф. Трепов. Теперь Трепов стал заместителем («товарищем») Булыгина. Двоевластие продолжалось!

Генерал Трепов представлял собой ухудшенное издание Плеве. Он был столь же «решителен», но необразован, глуп и обладал склонностью влипать в нелепые ситуации, вроде команды «смотри веселей», отданной на похоронах Александра III.

Кровавое Воскресенье стало детонатором новой волны беспорядков, перекинувшихся теперь даже в армию и во флот. В феврале в Москве был убит великий князь Сергей Александрович. Акция эсера Ивана Каляева была тем более бессмысленной, что великий князь уже был в отставке. Но общественный резонанс от нее был еще больший, чем от недавнего убийства Плеве: ведь жертвой стал виднейший член царствующего дома.

Николай в высшей степени странно отреагировал на гибель августейшего дяди и свояка⁶⁰. Через два часа после получения страшного известия иностранные послы стали свидетелями изумившей их сцены: государь и великий князь Сандро сидели на узком диване и изо всех сил спихивали с него друг друга; и оба заливались хохотом...

Говорило ли это о чудовищной бессердечии Николая, в чем его упрекал А.Ф. Кони, или он пребывал в шоковом состоянии, когда атрофируются все чувства, или это был истерический хохот непреодолимого страха? Кто может это знать!..

Если осенью 1904 года царь отверг предложение Святополка-Мирского пополнить государственный совет выборными представителями земств, а в декабре – вычеркнул из его

программы пункт о представительных учреждениях, то летом 1905 года уже спешно обсуждался законопроект о Булыгинской Думе – по имени автора проекта, нового министра внутренних дел. Дума намечалась не как законодательный, а только как законосовещательный орган, но – *избираемый!*

6 августа 1905 года царь издал манифест о «даровании» представительных учреждений. Он вынужден был пойти на такую уступку, ибо земля – в буквальном смысле – горела под ногами российского самодержавия.

«Вся Россия была в огне, – живописал Великий князь Сандро. – В течение всего лета [1905 года] громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать о том, что темный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства, и они решили стереть всех помещи-

⁵⁹ Приглашению Витте воспротивились некоторые министры, в особенности В.Н. Коковцов, который имел с ним счёты и потом сводил их до конца жизни, в том числе в своих двухтомных воспоминаниях. О совещании у Мирского вечером 8 января он пишет в таких выражениях, будто оно не имело никакого значения, а сам он в нем хотя и участвовал, но к принятию решения никакого отношения не имел. (Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Книга 1. М.: Наука, 1992* С. 62.)

⁶⁰ Сергей Александрович был женат на сестре царицы Александры Федоровны – великой княгине Елизавете Федоровне.

ков с лица земли. Рабочие бастовали. В черноморском флоте произошел мятеж, чуть не принявший широкие размеры»⁶¹.

Однако, речь шла не о всенародном представительстве: рабочие, студенты, солдаты, бедный городской люд, как и женщины, не получали никаких избирательных прав. Остальное население было разбито на курии, в которых выборы должны были проводиться многоступенчато, в каждой – по своей норме. Преимущество получали дворяне и верхний слой буржуазии, а следом шло крестьянство. Вопреки тому, что происходило в стране, Николай упрямо продолжал верить, что крестьяне консервативны и стоят за неограниченного царя-батюшку. Он полагался на крестьян даже больше, чем на дворян: среди них было много «умников», то есть интеллигентов, выступавших с теми или иными «мечтаниями» об ограничении царской власти.

⁶¹ Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 341.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.